

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Издается с 2011 г. Выходит 4 раза в год. Рег. ПИ № ФС77-38716 от 22 января 2010 г.
Учредитель: Издательская группа «Юрист»

№ 4 / 2018

Журнал издается при участии кафедры гражданского общества МГИМО — Университета

Председатель редакционного совета

Гриб Владислав Валерьевич, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского общества МГИМО — Университета, Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по общественному контролю и взаимодействию с общественными советами, член Президиума Ассоциации юристов России, главный редактор Издательской группы «Юрист»

Главный редактор

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН

Заместитель главного редактора

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Члены редакционного совета

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (*главный редактор*)

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

(*заместитель главного редактора, ответственный редактор номера*)

Брэдли Джозеф, доктор истории, профессор истории Университета Талсы (Оклахома, США)

Галас Марина Леонидовна, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник

Института проблем эффективного государства и гражданского общества

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Демичев Алексей Андреевич, д.ю.н., профессор, профессор Нижегородской академии МВД России

Дискин Иосиф Евгеньевич, д.э.н., профессор Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

Бекман Йохан, доктор общественно-политических наук, доцент криминологии и социологии права, представитель Российского института стратегических исследований в странах Северной Европы (Финляндия)

Тодд Лефко, доктор истории, профессор Университета Миннесоты, политик, бизнесмен (США)

Малахов Валерий Петрович, д.ю.н., профессор, начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России

Медушевский Андрей Николаевич, д.ф.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мезаннев Матье, доктор права, профессор, заместитель декана факультета «Право и экономика»

Государственного университета Реюньона (Франция)

Мерсиянова Ирина Владимировна, к.с.н., доцент, директор

Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Нижник Надежда Степановна, д.ю.н., профессор,

профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Панарин Андрей Александрович, д.э.н., Президент Некоммерческого партнерства

«Образовательный консорциум «Среднерусский университет»

Попов Евгений Васильевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Саломатин Алексей Юрьевич, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Пензенского университета

Сафонов Александр Александрович, д.ю.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сигапов Константин Елизарович, д.ю.н., доцент, директор Центра правового регулирования

финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского общества

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Смит Дэвид Хортон, профессор социологии Бостон Колледжа (США), почетный гостевой

профессор социологии университета Восточной Англии, почетный гостевой профессор НИУ ВШЭ

и Университета Цинхуа (Китай)

Соловьев Кирилл Андреевич, д.и.н., доцент

Шаблинский Илья Георгиевич, д.ю.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Шульга Руслан Юрьевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88

e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел./факс: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Подписной индекс:

«Объединенный каталог» — 91889.

Также можно подписаться на www.gazety.ru

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печ. л. 6. Печать офсетная.

Общий тираж: 1000 экз. Цена свободная. ISSN 2221-3287

Номер подписан в печать: 30.10.2018.

Номер вышел в свет: 21.11.2018.

ПРАВОВАЯ ПРОЕКЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Илюхина В.А., Илюхин А.В.

Конституционные ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: теоретико-правовой аспект

3

Портнова А.А. О современном понимании ведущих функций гражданского общества

7

ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Зенин С.С. Социально-этические меры предупреждения (профилактики) коррупции ..

11

Колоткина О.А. Институт общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов в структуре гражданского общества

15

Кириянов А.Ю. Виды негосударственного контроля

19

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ СРЕЗЕ

Аронов Д.В., Кошелева С.В.

Между «Совиными Крылами» охранительства и безрешной анархией митинговой стихии — С.А. Муромцев во главе комиссии по разработке правил для студентов Московского университета 1881 г.

23

Сафонова О.Е. Портрет общественника-добровольца эпохи модернизации конца XIX — начала XX в. в российской провинции (на примере Рязанской губернии)

28

Воробьев А.В. Сущность и историческое значение социальных и политических протестных явлений в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ)

35

Леонов А.П. Несовершенство избирательных систем Российской империи и Российской Федерации как угроза институту народного представительства (на примере выборов депутатов Государственной Думы)

39

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОГО ФОРУМА

Нижник Н.С., Нудненко Л.А.

Полиция и гражданское общество: направления и формы партнерского взаимодействия (по материалам международной конференции)

43

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.
Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

CIVIL SOCIETY IN RUSSIA AND ABROAD

Published quarterly since 2011. Reg. PI № FC77-38716 of January 22, 2010. Founder: Publishing Group «JURIST»

No. 4 / 2018

Published with the participation of the Chair of Civil Society
of MGIMO — University

Chairman of the Editorial Board

Grib Vladislav Valer'evich, head of the Chair of Civil Society of MGIMO-University, Chairman of the Commission of the RF Civic Chamber on public control and interaction with public councils, member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, Editor in Chief of Jurist Publishing Group, doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief

Avtonomov Aleksey Stanislavovich, senior researcher of the Institute of State and Law RAS, doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editor in Chief

Tumanova Anastasiya Sergeevna, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor

Members of the Editorial Board

Avtonomov Aleksey Stanislavovich, senior researcher of Institute of State and Law RAS (Editor in Chief), doctor of juridical sciences, professor

Tumanova Anastasiya Sergeevna, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor (Deputy Editor in Chief, Executive Editor)

Bradley Joseph, doctor of history, professor of history of the University of Tulsa (Oklahoma, USA)

Galas Marina Leonidovna, doctor of historical sciences, associate professor, Chief Researcher Institute of Problems of effective state and civil society Financial University under the Government of the Russian Federation

Demichev Aleksey Andreevich, professor of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Diskin Iosif Evgen'evich, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of economic sciences

Bekman Johan, doctor of political Sciences, associate Professor of criminology and sociology of law, the representative of the Russian Institute for strategic studies in Northern Europe (Finland)

Todd Lefko, doctor of history, professor at the University of Minnesota, politician, businessman (USA)

Malakhov Valerij Petrovich, head of the Chair of Theory of State and Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Medushevskij Andrej Nikolaevich, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of philosophical sciences, professor

Mezenev Mathieu, Deputy Dean of the faculty of "Law and Economics" State University of Reunion, doctor of law, professor (France)

Mersyanova Irina Vladimirovna, director of the Centre for Studies of Civil Society and the noncommercial sector of the National Research University "Higher School of Economics", candidate of sociological sciences, assistant professor

Nizhnik Nadezhda Stepanovna, professor of Department of theory of state and law Saint-Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Panarin Andrey Aleksandrovich, doctor of economic sciences, President of the Nonprofit partnership «Educational consortium "Mid-Russian University"»

Popov Evgenij Vasil'evich, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society of MGIMO-UNIVERSITY)

Salomatin Aleksey Yur'evich, professor of Penza University, doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor

Safonov Aleksandr Aleksandrovich, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of juridical sciences, professor

Sigalov Konstantine Elizarovich, doctor of juridical sciences, associate Professor, Director of the Center of legal regulation of economic and financial relations of the Institute of effective state and civil society, the Financial University under the Government of the Russian Federation

David Horton Smith, Emeritus Professor of sociology, Boston College (USA), honorary guest Professor of sociology at the University of East England, honorary guest Professor at HSE and the University of Tsinghua (China)

Solov'ev Kirill Andreevich, doctor of historical sciences, associate professor

Shablinskij Il'ya Georgievich, professor of the National Research University «Higher School of Economics», doctor of juridical sciences, professor

Shul'ga Ruslan Yur'evich, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society MGIMO-University)

Editorial subscription centre: (495) 617-18-88
e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial Office Address:
Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel./fax: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Subscription:
Unified Catalogue — 91889 (half year), www.gazety.ru

Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.
Size: 60x90/8.
Printer's sheet 6. Offset printing.
Circulation: 1000 copies.
Free market price.
ISSN 2221-3287
Passed for printing: 30.10.2018.
issue was published: 21.11.2018.

LEGAL PROJECTION OF A CIVIL SOCIETY

Ilyukhina V.A., Ilyukhin A.V. Constitutional Limitations of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation: A Theoretical and Legal Aspect 3

Portnova A.A. On the Modern Interpretation of the Leading Functions of a Civil Society 7

CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND PRACTICES

Zenin S.S. Social and Ethical Measures of Corruption Prevention (Forestalling) 11

Kolotkina O.A. The Institution of Public Examination of Bills in the Civil Society Structure 15

Kiryakov A.Yu. Non-State Control Types..... 19

CIVIL SOCIETY IN A HISTORICAL PERSPECTIVE

Aronov D.V., Kosheleva S.V. Between the "Owl Wings" of the Conservative Ideology and the Limitless Anarchy of the Rally Force — S.A. Muromtsev Heading the Commission on the Development of Rules for the Moscow University Students in 1881..... 23

Safonova O.E. A Portrait of a Social Activist of the Modernization Epoch of the Late XIX to the Early XX Century in the Russian Outland (on the Example of the Ryazan Governorate) 28

Vorobyev A.V. The Essence and the Historical Meaning of Social and Political Protests in the Russian Empire and the Russian Federation (a Comparative Law Analysis)..... 35

Leonov A.P. The Imperfection of Electoral Systems of the Russian Empire and the Russian Federation as a Threat to the Popular Representation Institution (on the Example of Elections of Deputies to the State Duma)..... 39

RESULTS OF A SCIENTIFIC FORUM

Nizhnik N.S., Nudnenko L.A. Police and a Civil Society: Areas and Forms of Partnership (Based on Files of an International Conference) ... 43

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses.

Complete or partial reproduction of materials without written permission of authors of the articles or the editorial office shall be prosecuted in accordance with law. The Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

*Илюхина Вера Александровна,
доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права
Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
кандидат юридических наук, доцент
eva3011@bk.ru*

*Илюхин Андрей Владимирович,
доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права
Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
кандидат юридических наук, доцент
andrew062@mail.ru*

В статье с теоретико-правовой позиции анализируются конституционные ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Авторы придерживаются точки зрения, что одной из гарантий взаимодействия гражданского общества и государства являются правомерные, соразмерные и справедливые ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Делается вывод, что действующее законодательство об ограничениях прав и свобод человека и гражданина можно выделить в качестве самостоятельного раздела российского законодательства, который будет содержать нормы, закрепляющие и регулирующие ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в целом.

Ключевые слова: гражданское общество, права и свободы человека и гражданина, конституционно-правовые ограничения.

Constitutional Limitations of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation: A Theoretical and Legal Aspect

*Ilyukhina Vera A.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law,
International and European Law of the Academy of the FPS of Russia
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

*Ilyukhin Andrey V.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law,
International and European Law of the Academy of the FPS of Russia
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

The article analyzes constitutional restrictions on the rights and freedoms of a person and citizen in the Russian Federation from the theoretical and legal standpoint. The authors hold the view that one of the guarantees of interaction between civil society and the state is lawful, proportionate and fair restrictions on the constitutional rights and freedoms of man and citizen. It is concluded that the current legislation on the limitations of human and citizen's rights and freedoms can be identified as an independent section of Russian legislation that will contain the norms that fix and regulate the restrictions of human and citizen's rights and freedoms in the Russian Federation as a whole.

Keywords: civil society, human and civil rights and freedoms, constitutional and legal restrictions.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. права и свободы человека и гражданина провозглашены высшей ценностью. При этом в Основном законе устанавливается государственно-правовой механизм их гарантирования и защиты. Признание приоритета прав и свобод личности влечет за собой признание абсолютно новой роли государства — оно выступает в качестве гаранта и защитника прав и свобод человека. Только в этом случае создается реальная правовая предпосылка функционирования гражданского общества. Гражданское общество, как известно, формируется различными путями. Данный

процесс идет и «сверху», и «снизу»¹. При этом государство в первом случае оказывает прямое волевое воздействие на создание институтов гражданского общества, во втором — создает условия для их возникновения «снизу».

Возложение на государство обязанности по защите прав требует обязательного четкого законодательного урегулирования взаимоотношений между личностью и

¹ См.: Демичев А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 22–26.

государством. Именно разрешение противоречий интересов личности, общества и государства дает право говорить о правомерных, соразмерных и справедливых ограничениях конституционных прав и свобод человека и гражданина. Конституция Российской Федерации, сформулировав и закрепив основания, пределы и цели ограничений конституционных прав и свобод личности, защищает права и свободы человека как первичного элемента гражданского общества. Однако проведенный комплексный анализ действующего законодательства, имеющихся научных исследований и судебной практики свидетельствует о том, что существующее состояние защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина не удовлетворяет потребностям граждан страны, а также оказывает негативное влияние на развитие государства. Отсутствие ясности, четкости в законодательстве, наличие противоречий приводит к произвольным ограничениям конституционных прав и свобод человека и гражданина. Отметим, что непосредственные угрозы правам и свободам личности иногда исходят и от решений и действий органов государственной власти и органов местного самоуправления. Все перечисленное обуславливает актуальность, значимость данной проблемы, решение которой направлено в первую очередь на поиск путей и средств для преодоления имеющихся пробелов в институте ограничения конституционных прав человека и гражданина.

Наиболее актуальным направлением развития российской теории права можно признать развитие теории защиты основных прав человека и гражданина, ориентированной по своей сути на реализацию прикладной функции общей теории права². Один из основных философских вопросов взаимодействия гражданского общества, государства и индивидуума состоит в том, есть ли возможность, основание и мера вторжения государства в свободу конкретного человека. Ведь состояние свободы — это естественное внутреннее состояние, которое присуще каждому человеку. При этом внутреннее состояние свободы одного человека ограничивается внутренним состоянием естественной свободы другого человека. Значит, реализация присущего каждому человеку состояния естественной свободы может привести не только к неизбежному пересечению интересов людей, но и в отдельных случаях к их столкновению. Это может стать причиной ущемления свободы одного человека свободой других, что недопустимо. Второй вывод, который можно сделать на основе анализа философии права: для успешной реализации внутреннего состояния естественной свободы необходимо четкое закрепление его в системе социальных отношений, т.е. для разумного регулирования общественных отношений в обществе должен быть механизм, который позволял бы ограничивать свободу субъектов с целью недопущения злоупотреблений этой свободой.

На необходимость и неизбежность ограничения прав и свобод человека указывает большинство исследователей права как прошлого, так и настоящего. Например, выдающийся русский философ XIX в. Е.Н. Трубецкой в своих «Трудах по философии права» отмечал: «Где свобода отдельного лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаниями,

там нет вообще никакого права: существенным признаком права является правило, или норма, ограничивающая свободу»³. Исходя из изложенного абсолютный характер свободы человека перестает быть таковым в том случае, если попытки субъекта реализовать свою свободу в неограниченном виде будут наталкиваться на аналогичные попытки реализовать свою свободу со стороны третьих лиц.

Для предотвращения возможной конфронтации есть только один наиболее приемлемый путь — ограничение абсолютной свободы каждого из субъектов посредством установления ее пределов. Таким образом, сущность конституционных ограничений заключается в признании прав человека естественными, с одной стороны, и признании роли государства как гаранта этих прав и одновременно главной угрозой этим правам — с другой. Государство, как считает В.В. Гошуляк, сохраняя свою относительную самостоятельность, выступает регулятором интересов всей совокупности лиц, находящихся на его территории, — именно оно должно заботиться о всеобщем благе и в то же время не допускать его расширения до таких пределов, за которыми последуют нарушения прав и свобод человека и гражданина со стороны государства⁴. Любое государство имеет свою систему социальных ценностей, ориентированных и направлений. Отсюда и возникают основания определения границ, пределов в реализации гражданами своих законных прав и свобод.

Главной проблемой конституционного права (как и любой другой отрасли права) является определение баланса между интересами личности и интересами третьих лиц, интересами государства, т.е. установление конституционных основ свободы личности. Признаем, что этого сделать невозможно без теоретико-правового осмысления данной проблемы, поэтому в институте ограничения конституционных прав и свобод основные понятия — «права человека» и «свободы человека».

В литературе эти понятия определяются неодинаково. По мнению А.Я. Азарова, «среди всех ценностей нематериального характера, осознанных человечеством как действительно универсальные, общечеловеческие ценности, права и свободы человека стоят на первом месте»⁵. По нашему мнению, единого верного понятия прав человека дать практически невозможно. Это связано с тем, что права человека — это многогранное явление, постоянно изменяющее свою форму. Понятие «свобода» воспринимается исследователями достаточно неоднозначно. В.И. Гойман выделяет два значения понятия права (свободы): общесоциальное и специально-юридическое. В первом случае свобода рассматривается как состояние человека, отражающее его возможность действовать по собственному усмотрению. В данном случае свободу можно рассматривать как естественное право, которое не ограничено нормами формального права, — право в фактической норме. В специально-юридическом смысле свобода — это официально признанная и легализованная мера

³ Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 291.

⁴ См.: Гошуляк В.В. Пределы ограничения права собственности в конституционном праве России // Закон. 2004. № 3. С. 98.

⁵ Азаров А.Я. Гуманизм и права человека — философско-правовое содержание // Конституционные права и свободы человека и гражданина в РФ: учебник для вузов / под ред. О.И. Тиунова. М., 2005. С. 2.

² См.: Цуканов А.Н. Правовая теория защиты основных прав по Российской Конституции и международному праву прав человека: учебное пособие. Пермь, 2005. С. 12.

возможного поведения⁶. А.Я. Азаров, в свою очередь, предлагает все же отличать категории «права человека» и «свободы человека», указывая на то, что если говорить о юридической природе, нормативном закреплении прав и свобод в правовых актах, их реализации, а также о механизмах защиты, то трудно провести между этими понятиями четкую границу. В этом смысле они тождественны. Вместе с тем есть в этих понятиях и определенная специфика⁷. Если рассматривать их с точки зрения правомочий в отношении «гражданин — государство», то различия будут выражены в следующем: свободы человека — это те области деятельности человека, в которые государство не имеет права вмешиваться, оно лишь очерчивает с помощью правовых норм границы, контуры, территорию, на которых человек действует либо не действует по своему усмотрению, по своему выбору. В правах же человека, в отличие от свободы человека, фиксируется конкретная область, направление деятельности индивида. Здесь уже не имеется свободы выбора, варианта действия внутри данного права, им можно воспользоваться, реализовать его либо оставить нереализованным, так как право не есть обязанность⁸.

Если анализировать правовую литературу, то под правами и свободами обычно понимают наиболее важные права и свободы человека и гражданина, раскрывающие естественное состояние свободы. Необходимо отметить, что каждое право и каждая свобода имеют определенные, четко регламентированные рамки, т.е. каждой из свобод соответствует обязанность (например, уважение нравов, отказ от осуществления других действий, которые могут затрагивать интересы других граждан и т.д.). Стоит напомнить, что в Конституции Российской Федерации закреплён концептуальный подход к соотношению интересов индивидуума (личности), общества и государства, выраженный в четкой и понятной формуле: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Одновременно с введением этого подхода в Конституцию РФ вводится термин «ограничение прав и свобод человека и гражданина».

В тексте Конституции РФ термин «ограничение» применительно к правам и свободам человека и гражданина используется восемь раз (ст. 19, 23, 55, 56 (дважды — в ч. 1 и 3), 74, 79, 133); четыре раза законодатель воспользовался сопрягающимся с ним термином «умаление» (ст. 21, 55 (дважды — в ч. 1 и 2), 62); кроме того, в некоторых статьях фактически идет речь об ограничениях, хотя сам термин «ограничение» отсутствует (ст. 13, 20, 22, 24, 25, 29, 31 и др.). Новизна данного понятия обусловила и неопределенность его содержания. Можно констатировать, что на сегодняшний день в российской юридической науке, а равно и в действующем российском законодательстве отсутствует единое понимание данного термина. Не существует четкого и безупречного определения данного понятия, нет тщательного анализа его сущности и содержания с точки зрения конституционных принципов и идей.

⁶ См.: Гойман В.И. Выступление на круглом столе «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» // Государство и право. 1998. № 7. С. 26.

⁷ См.: Азаров А.Я. Указ. соч. С. 34.

⁸ См.: Колотова Н.В. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. 2001. № 5. С. 89–101.

Для понимания смысла термина «ограничение» необходимо уяснить значение слова «ограничение». С.И. Ожегов дает ему следующую трактовку: «стеснить определенными условиями, поставить в какие-нибудь рамки, границы»⁹. Необходимо отметить, что право в законе — это ограничение естественного права путем установления заранее определенных границ его реализации, дозволенных способов, обеспечения механизмов защиты от нарушения или путей восстановления нарушенного права. В указанном смысле справедливо утверждение о том, что только ограниченное и содержащее пределы своей реализации право отвечает своему главному предназначению. А как известно, первичная сущность права заключается в достижении равновесия между двумя нравственными интересами — личной свободы и общим благом. Можно ли дать четкое определение понятию «ограничение права и свобод человека»? Понятие правового ограничения было сформулировано многими правоведами. По мнению А.В. Малько, правовое ограничение — это «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите; то есть это определенные, установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»¹⁰.

Наибольшую значимость правовые ограничения приобретает именно в конституционном праве, так как во многом они приближаются к теоретической конструкции, получают надотраслевые черты, которые конкретизируются в отдельных текущих законах. Именно эти ограничения и выступают в дальнейшем тем специфическим индикатором, который позволит определить степень свободы и защищенности личности¹¹.

Есть и другие понятия ограничения конституционного права. У В.И. Гоймана ограничение права — это «осуществляемое в соответствии с предусмотренными законом основаниями и в установленном порядке сужение его объема»¹². Б.С. Эбзеев предлагает следующее определение ограничений прав: «допускаемые Конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса человека и гражданина и, кроме того, в качестве ограничения основных прав может рассматриваться также изъятие из круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод»¹³. М.А. Нагорная считает, что ограничение права — это «изменение содержания или объема действия нормы права»¹⁴.

Важнейшим признаком ограничения права, по мнению большинства ученых, является то, что ограничение — это установление предела свободы индивида. А.В. Малько подчеркивает, что правовые ограничения

⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 444.

¹⁰ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: монография. М., 2004. С. 88.

¹¹ См.: Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5. С. 24.

¹² Гойман В.И. Указ. соч. С. 28.

¹³ Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе РФ: монография. М., 2013. С. 230.

¹⁴ Нагорная М.А. Конституционное право России: учебное пособие в определениях и схемах. Н. Новгород, 1998. С. 19.

ставят действия индивидов в определенные рамки, суживают их возможности до юридически и социально требуемого состояния¹⁵.

Отметим, что ограничение прав и свобод предполагает использование некоторого ограничивающего или запрещающего воздействия на поведение субъекта в формах запрета, вторжения, обязанности, наказания, приостановления, ограничения. В связи с этим особого внимания заслуживает такая форма ограничения, как запрет, который является классической формой ограничения. Устанавливая запрет на совершение определенных действий, законодатель возлагает на гражданина обязанность воздерживаться от запрещенных действий. По мнению А.В. Малько, запрет препятствует удовлетворению интересов индивида, в отношении которого он действует, и направлен на реализацию интересов противоположной стороны. Иначе говоря, запреты — это государственно-властные средства, позволяющие сдерживать, предотвращать противоправные деяния, могущие причинить вред обществу, личности или государству. Существует не менее двух подходов к понятию запрета: ученые, отстаивающие первый подход, считают ограничение права как частичный запрет («ограничение близко к запрету, однако оно рассчитано не на полное вытеснение того или иного общественного отношения, а на удержание его в жестко ограничиваемых рамках»¹⁶), сторонники второго подчеркивают, что ограничение является самостоятельным способом правового регулирования, существующим наряду с запретом.

Таким образом, права и свободы личности — важнейшие понятия конституционного права. Их особенность проявляется в самой значимости этих прав и свобод в жизни общества и государства. Наиболее важным аспектом в понимании феномена прав и свобод личности выступает правовая природа их взаимодействия

с государственной властью, с демократическим государством.

Процесс социального развития неизбежно порождает ситуации, требующие от государства применения ограничений по отношению к гражданам. «В ряде случаев ограничение прав и свобод используется не только для воздействия на правонарушителей, но и для предупреждения правонарушений», — отмечал О.Е. Кутафин¹⁷. Шаги по ограничению прав являются цивилизованным способом регулирования меры свободы в обществе в сфере взаимодействия как элементов самого гражданского общества, так и в плоскости взаимодействия гражданского общества и государства.

Конституция России, закрепляя основные права и свободы человека и гражданина, не абсолютизирует их, так как абсолютной свободы не существует, а свобода отдельной личности, индивидуума должна быть сбалансирована свободой других людей, разумными требованиями общества. Ограничение прав и свобод личности — это установленные законом пределы реализации и осуществления гражданином прав и свобод, которые выражаются в обязанностях, запретах, вторжениях, ответственности, существование которых предопределено необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей и назначением которых становится достижение определенного консенсуса между интересами гражданского общества, государства и индивидуума. Мы считаем, что действующее законодательство об ограничениях прав и свобод человека и гражданина можно выделить в качестве самостоятельного раздела российского законодательства, который будет содержать нормы, закрепляющие и регулирующие ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации во всех областях. Необходимость такого шага определяется содержательностью самих прав и свобод, а также их внутренней системностью.

¹⁵ См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. С. 95.

¹⁶ См.: Там же. С. 93.

¹⁷ См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 414–415.

Литература

1. Азаров А.Я. Гуманизм и права человека — философско-правовое содержание / А.Я. Азаров // Конституционные права и свободы человека и гражданина в РФ : учебник для вузов ; под ред. О.И. Тиунова. М., 2005. 608 с.
2. Гойман В.И. Выступление на круглом столе «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» / В.И. Гойман // Государство и право. 1998. № 7. С. 26–29.
3. Гошуляк В.В. Пределы ограничения права собственности в конституционном праве России / В. В. Гошуляк // Закон. 2004. № 3. С. 97–107.
4. Демичев А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность / А.А. Демичев // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 22–26.
5. Колотова Н.В. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Н.В. Колотова // Государство и право. 2001. № 5. С. 89–101.
6. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. М. : Юристъ, 2001. 444 с.
7. Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому / А.В. Малько // Правоведение. 1993. № 5. С. 14–26.
8. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве : монография / А.В. Малько. М. : Юристъ, 2004. 250 с.
9. Нагорная М.А. Конституционное право России : учебное пособие в определениях и схемах / М.А. Нагорная. Н. Новгород, 1998. 130 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М. : Оникс, 2011. 736 с.
11. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / Е.Н. Трубецкой. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 2001. 544 с.
12. Цуканов А.Н. Правовая теория защиты основных прав по Российской Конституции и международному праву прав человека : учебное пособие / А.Н. Цуканов. Пермь : Книжный мир, 2005. 134 с.
13. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе РФ : монография / Б.С. Эбзеев. 2-е изд. М. : Проспект, 2013. 656 с.

О СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ ВЕДУЩИХ ФУНКЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

*Портнова Анна Александровна,
аспирант Международного юридического института (МЮИ)
anna_portnova93@mail.ru*

В данной статье автор раскрывает функции гражданского общества, дает их краткую характеристику, а также обосновывает необходимость выделения самостоятельной правовоспитательной функции, чего не было ранее в юридической науке.

Ключевые слова: гражданское общество, функции гражданского общества, правовое воспитание.

On the Modern Interpretation of the Leading Functions of a Civil Society

*Portnova Anna A.
Postgraduate Student of the International Law Institute*

In this article, the author reveals the functions of civil society, gives a brief description of them, as well as substantiates the need to allocate an independent legal educative function, which was not mentioned in the legal science previously.

Keywords: civil society, functions of civil society, legal education.

В последнее время интерес к исследованию закономерностей возникновения и развития гражданского общества, роли в общественно-политической жизни государства значительно возрос. Проблема определения понятия «гражданское общество», выявление его признаков, принципов, структуры является предметом исследования отечественных и зарубежных исследователей. Особую значимость приобретает исследование гражданского общества как основного элемента в построении и функционировании правового государства.

Наиболее актуальный вопрос в настоящее время — как определить понятие «гражданское общество», отразив его сущность, каковы его основные элементы и ради чего оно вообще создано?

Сущность любого явления раскрывается через его функциональные особенности. Представляется, что изучение основных направлений деятельности гражданского общества поможет раскрыть его социально-правовую природу.

В ходе исследования гражданского общества мало внимания уделяется изучению функций гражданского общества. Сложность вопроса о функциях гражданского общества вызвана разнообразием понятий и недостаточной разработкой концепции гражданского общества в юридической науке.

В юридической литературе отсутствует единое определение понятия «функции гражданского общества». Большинство исследователей, которые изучают вопросы функционирования гражданского общества, пытаются ввести новое определение данного понятия, что осложняет дальнейшее изучение вопроса из-за разнообразия подходов.

Функции гражданского общества объективно обусловлены теми социально-экономическими, культурными и политическими отношениями, которые существуют между субъектами. Не менее важным фактором, определяющим конкретное содержание социальных функций, а также формы и методы их осуществления, является модель государственности, определяемая типом политического режима, от чего зависит набор средств, которые государство

готово оставить за обществом для решения социальных задач¹.

Функции гражданского общества имеют определенный объект и содержание. Объектом функции гражданского общества является определенный круг общественных отношений, на которые направлена деятельность того или иного общественного института. Содержанием функции является комплекс мероприятий, проводимых для осуществления задач, стоящих перед институтами гражданского общества.

Одно из наиболее развернутых определений функций гражданского общества дал К.А. Струсь. Он определяет их «как необходимые, однородные, целесообразные направления деятельности его институтов, вызванные необходимостью удовлетворения объективных потребностей общества, отдельных индивидов и их индивидуальных образований»².

С данным определением можно согласиться, но стоит отметить, что разнообразие подходов в изучении гражданского общества отражает разнообразие форм его существования, уровней развития, направлений деятельности. Так, функции гражданского общества значительно различаются в зависимости от конкретных исторических условий того или иного общества. Можно смело утверждать, что функции гражданского общества в любом западноевропейском государстве будут существенно отличаться от функций гражданского общества в странах третьего мира, потому что там гражданское общество находится на стадии становления, где их главной задачей являются противостояние государственному произволу и борьба за права человека в отличие от стран Европы.

Следовательно, необходимо указать, что функциями гражданского общества являются направления деятельности институтов гражданского общества, представляющие собой механизм воздействия на государство, общество и индивидов для разрешения

¹ Чиркин В.Е. Три ипостаси государства // Государство и право. 1993. № 8. С. 107–115.

² Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

конфликта интересов и стабилизации социально-политического развития в конкретный исторический период и на определенной территории.

Многообразие направлений деятельности общественных институтов определяет множество функций. Конкретный перечень функций гражданского общества и их единая классификация в юридической науке отсутствуют. В зависимости от подходов к определению гражданского общества и его сущности различные авторы выделяют разные функции гражданского общества.

Попытку классификации функций гражданского общества предпринял в своих работах К.А. Струсь³, который разделяет функции гражданского общества на внешние и внутренние. К внутренним функциям он относит те, которые осуществляются субъектами гражданского общества, организованного внутри конкретного государства, и не выходят за территориальные пределы, установленные государственными границами. Например, внутренними функциями являются: реализация прав и свобод граждан, контроль за их соблюдением; стабилизация социально-политического развития; информационно-сигнальная функция, удовлетворение материальных интересов, социальное обеспечение; охрана окружающей среды; культурно-воспитательная функция. К внешним функциям автор относит те, которые направлены на обеспечение существования институтов гражданского общества в глобальном гражданском обществе. Среди внешних функций К.А. Струсь выделил следующие: содействие социальных организаций и общностей обеспечению мира и согласия; интеграция в мировое сообщество.

А.В. Гаврилов в своей работе указывает: «Учитывая двойственную социально-политическую природу гражданского общества, представляется целесообразным классифицировать весь объем выполняемых функций на две группы: политические и неполитические. Критерием классификации в этом случае выступает сфера общественных отношений, в рамках которой данная деятельность осуществляется: политическая, связанная с осуществлением политического участия и взаимодействием с государством, и неполитическая, которая охватывает все остальные области социальных отношений, т.е. так называемая частная сфера»⁴.

Среди неполитических функций автор выделяет реализацию личных, социально-экономических и культурных прав и свобод, социализацию индивидов, охрану окружающей среды, формирование общественного сознания. К политическим функциям он относит следующие: индивидуальная и коллективная реализация политических прав и свобод и контроль за их соблюдением, согласование частных и публичных интересов, легитимация государственной власти, общественно-политический контроль за принятием и реализацией государственных решений, участие негосударственных институтов в процессе принятия и реализации государственных решений посредством вовлечения общественности в правотворческий и правоприменительный процесс, делегированное осуществление государственных монополий в сфере правотворчества и применения легального принуждения.

³ Там же. С. 46–53.

⁴ Гаврилов А.В. Государство и гражданское общество: функциональный анализ взаимодействия : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 87.

В современных российских реалиях автор данной статьи предлагает выделить следующие основные функции гражданского общества:

- интеграционная (обеспечение социальной сплоченности);
- мобилизация гражданской активности⁵;
- участие граждан в деятельности государства, сотрудничество с государственными структурами;
- противодействие коррупции, социальным конфликтам;
- участие представителей гражданского общества в правотворческом процессе;
- правовоспитательная.

В ежегодном послании Президента РФ В.В. Путин сказал: «Граждане объединились — и мы это видим, надо сказать спасибо за это нашим гражданам — вокруг патриотических ценностей не потому, что всем довольны, что все их устраивает. Нет, трудностей и проблем сейчас хватает. Но есть понимание их причин, а главное уверенность, что вместе мы их обязательно преодолеем. Готовность работать ради России, сердечная, искренняя забота о ней — вот что лежит в основе этого объединения»⁶.

В условиях современности интеграционная функция является одной из ведущих. Объединившись, граждане могут противостоять деструктивным явлениям в общественной жизни, таким как социальные и религиозные конфликты, коррупция, нищета, а также угрозе терроризма внутри своего государства. Например, религиозные организации обладают большим потенциалом для реализации функции социальной сплоченности. И хотя религия во многих случаях является источником конфликта, она остается объединяющей силой в деятельности, направленной на урегулирование социальных конфликтов.

Социальная основа гражданского общества развивается в непосредственной взаимосвязи с социальной основой правового государства. Вместе они выступают в качестве основы саморегулирующегося гражданского общества, способного объединить свободных граждан. Через систему институтов и общественных связей должны создаваться и создаются условия для реализации каждым гражданином своих творческих, трудовых возможностей, которые обеспечивают плюрализм мнений, личные права и свободы. Вовлечение индивидов в общественную деятельность является важной задачей для развития функционирующего гражданского общества. Чем больше граждан проявляют социальную и правовую активность, тем прочнее институты гражданского общества.

В процессе становления гражданского общества основной функцией гражданского общества выступала контрэтатистская, так как основной задачей гражданского общества была борьба с излишним произволом государственной власти. В современных условиях государство стремится сотрудничать с гражданским обществом, предоставляя гражданам гарантии реализации их прав и свобод. Гражданское общество выступает как сложившаяся форма сбалансированного

⁵ Рябев В.В. Функции гражданского общества в условиях современной российской модернизации // СИСП. 2013. № 10 (30).

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/bye-date/01.12.2016> (дата обращения: 10.10.2018).

и динамического взаимодействия между институтами политико-правовой системы и социальной сферы современного общества.

Механизм взаимодействия гражданского общества и государства в различных странах мира весьма многообразен. В самом широком плане его составляют: демократическое законодательство, разделение властей, деятельность легальной оппозиции, общественно-политический плюрализм.

Практика показывает, что оптимальные возможности для диалектического взаимодействия гражданского общества и государства, сбалансированности их отношений складываются в странах с демократическими режимами. В этих условиях гражданское общество является основой стабильности государства, а государство — фактором эффективного функционирования и развития гражданского общества.

Одним из существенных препятствий на пути модернизации российского общества является коррупция, блокирующая позитивные начинания, исходящие как от власти, так и от граждан. Продолжающиеся конфликты, коррупция, злоупотребление властью требуют вовлечения гражданского общества, так как оно имеет существенный потенциал для борьбы с коррупцией и может выполнять разнообразные задачи. Создаются некоммерческие организации, которые занимаются исследованием проблемы коррупции, выработкой методик антикоррупционного действия. Эти же организации занимаются просветительской работой, в сотрудничестве со СМИ они доносят до широких масс населения идею и методы антикоррупционной борьбы, разъясняя принципы действия нормативных правовых актов, направленных на защиту граждан от произвола должностных лиц.

Изменения, вносимые в нормативные правовые акты по инициативе субъектов гражданского общества, значительно усилили институт юридической ответственности за коррупционную деятельность. Это свидетельствует также о важности участия членов гражданского общества в правотворческой деятельности. Но несмотря на активное сотрудничество государства и гражданского общества в антикоррупционной деятельности, в настоящее время огромный потенциал гражданского общества используется недостаточно эффективно.

Следующая функция гражданского общества — участие представителей гражданского общества в правотворческом процессе. В России, как и во многих других государствах, существует такой институт непосредственной демократии как народная законодательная инициатива. Она заключается в праве определенной группы граждан или общественных объединений внести предложение о принятии закона. Институтом, близким к народной законодательной инициативе, является также право определенной группы избирателей предложить референдум по определенному вопросу. Институты гражданского общества могут также принимать участие в процессе разработки и обсуждения проектов нормативных правовых актов.

Ввиду растущей критики власти или отдельных государственных чиновников создается множество проектов, где каждый гражданин может высказать свое мнение. Одним из таких проектов является «Российская общественная инициатива». Это интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации. Интернет-ресурс был

создан во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Данный интернет-ресурс позволяет гражданам и общественным организациям выносить на онлайн-голосование различные законопроекты либо вопросы о внесении поправок в уже существующие нормативные правовые акты. Справедливо отметить положительное значение проекта, являющегося реальным механизмом взаимодействия государственной власти и народа.

Как справедливо отмечает Е.А. Певцова, «основа гражданского общества — цивилизованный, самостоятельный, полноправный индивид, поэтому, естественно, что сущность и качество общества зависят от качества составляющих его личностей»⁷. Для включения в социальную и политико-правовую жизнь общества гражданин должен обладать высоким уровнем правовой культуры. Ведь низкий уровень правовой культуры приводит к неуважительному отношению к праву и государству, совершению правонарушений и преступлений. В обществе широко распространено нигилистическое отношение к праву. Государство активно осуществляет правовоспитательную деятельность, но она не всегда дает положительные результаты. Вероятно, основными причинами этого являются: недоверие населения к органам государственной власти и их программам, принуждение к правовой активности, восприятие информации как навязывания определенных взглядов.

Очевидно, что базовые ценности, принципы, жизненные ориентации должны формироваться в самом обществе⁸. Так, в настоящее время среди многообразия направлений деятельности гражданского общества на первый план выступает деятельность институтов гражданского общества по формированию ценностно-правовых ориентаций граждан, дающих возможность включения населения в социальную и правовую жизнь всего российского общества. Современные реалии поднимают проблему правового воспитания как одного из важнейших способов формирования правосознания и правовой культуры. Правовая культура играет ведущую роль в построении гражданского общества и правового государства. Она создает модели поведения, формирует правосознание, систему ценностей, идеалов, норм.

Исходя из этого, представляется необходимым выделить самостоятельную функцию — правовоспитательную — как систематическую деятельность институтов гражданского общества, направленную

⁷ Певцова Е.А. Роль институтов гражданского общества в обеспечении правовой защиты детей и молодежи // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2014. № 4. С. 76.

⁸ Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи в России // *История государства и права*. 2007. № 20. С. 10–12; Певцова Е.А. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства // *Юстиция*. 2007. № 3. С. 9; Певцова Е.А. Роль юристов и педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних // *Народное образование*. 2006. № 9. С. 186; Певцова Е.А. Современная теория правосознания молодежи: теоретико-правовые аспекты // *Гражданин и право*. 2007. № 3. С. 9; Певцова Е.А., Клишина А.В. О некоторых аспектах правосознания адвокатов: историко-правовое исследование // *Право и образование*. 2014. № 2. С. 144–156.

на формирование высокого уровня правосознания населения.

Правовоспитательная деятельность институтов гражданского общества набирает популярность, потому что невозможно повышать уровень правовой культуры населения только за счет распространения идеи общеобязательности правовых норм, неукоснительного исполнения права. Основным методом правового воспитания должен стать метод убеждения, а не принуждения (со стороны государства).

Правовое воспитание состоит в распространении правовых знаний, представлений о важности и ценности правомерного поведения, законности и других правовых явлений в жизни личности и общества. Институты гражданского общества привлекают внимание общественности к неразрешенным проблемам, защите основных прав и свобод человека и гражданина, освещению политических, экономических, социальных проблем. Большое значение имеет разъяснение законодательства широким массам населения.

Благодаря планомерной, разносторонней работе партий и общественных объединений, направляющих свою деятельность на утверждение новой морали и нового права, коллективистской по духу и существу общественной психологии, обеспечивается качественно новый образ жизни граждан. Происходит это не стихийно, а в результате сознательного творчества как отдельных граждан, так и их коллективных образований, организованных и сплоченных едиными целями⁹.

Рассмотрев основные функции гражданского общества, автор полагает, что в современных реалиях правовоспитательная функция гражданского общества занимает центральное место в системе функций гражданского общества и механизме формирования правосознания и правовой культуры граждан. Развитие демократического, правового и социального государства возможно только в условиях, когда основу общества составляют законопослушные, самостоятельные и полноправные граждане.

⁹ Струсь К.А. Указ соч. С. 152.

Литература

1. Гаврилов А.В. Государство и гражданское общество: функциональный анализ взаимодействия : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Гаврилов. Н. Новгород, 2007. 169 с.
2. Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи в России / Е.А. Певцова // История государства и права. 2007. № 20. С. 10–12.
3. Певцова Е.А. О некоторых аспектах правосознания адвокатов: историко-правовое исследование / Е.А. Певцова, А.В. Клишина // Право и образование. 2014. № 2. С. 144–156.
4. Певцова Е.А. Правовое поведение и правовая активность личности / Е.А. Певцова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. № 5. 2014. С. 91–96.
5. Певцова Е.А. Роль институтов гражданского общества в обеспечении правовой защиты детей и молодежи / Е.А. Певцова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 4. С. 74–79.
6. Певцова Е.А. Роль юристов и педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних / Е.А. Певцова // Народное образование. 2006. № 9. С. 181–185.
7. Певцова Е.А. Современная теория правосознания молодежи: теоретико-правовые аспекты / Е.А. Певцова // Гражданин и право. 2007. № 3. С. 9.
8. Певцова Е.А. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства / Е.А. Певцова // Юстиция. 2007. № 3. С. 9–23.
9. Рябев В.В. Функции гражданского общества в условиях современной российской модернизации / В.В. Рябев // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 10 (30). С. 6.
10. Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России : дис. ... канд. юрид. наук / К.А. Струсь. Саратов, 2003. 217 с.
11. Чиркин В.Е. Три ипостаси государства / В.Е. Чиркин // Государство и право. 1993. № 8. С. 107–115.

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ (ПРОФИЛАКТИКИ) КОРРУПЦИИ*

Зенин Сергей Сергеевич,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент
zeninsergei@mail.ru

Имеются два отдельных свода моральных правил: для семьи и для «улицы», планка последнего гораздо ниже. Если вы оказываетесь избранным в общественное учреждение, то ваше первое моральное обязательство в известной мере состоит в том, чтобы красть для семьи.

Фрэнсис Фукуяма

В предлагаемой статье осуществляется попытка анализа отдельных аспектов социально-этических мер предупреждения (профилактики) коррупции. Анализируя их, автор обращает внимание на функциональную составляющую системы ценностей по отношению к социальному взаимодействию. Рассматриваются особенности профессиональной морали, среди которых отмечаются: ценностная ориентация профессиональной деятельности в общественных целях; особые нравственные требования для осуществления профессии; нормы, правила, обычаи и привычки, реализуемые в практической деятельности представителей той или иной профессии и закрепленные в сознании.

В заключение делается вывод о том, что меры предупреждения не могут достичь цели, если изменения не затронут социальную сферу. Широкое антикоррупционное значение имеют меры, определяющие социальную направленность проводимых преобразований: устранение глубокого и резкого расслоения общества; поддержка малоимущих и нуждающихся граждан; укрепление семейных устоев; обеспечение условий для социализации личности и преодоление ее социального отчуждения; ограничение негативных последствий безработицы, вынужденной миграции.

Ключевые слова: мораль, социальные ценности, этические ценности, профессиональная этика, коррупция, государство, право, меры профилактики.

Social and Ethical Measures of Corruption Prevention (Forestalling)

Zenin Sergey S.
Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin
Moscow State Law University (MSAL)
Senior Research Scientist of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor

The proposed article makes an attempt at an analysis of separate aspects of social and ethical measures of corruption prevention (forestalling). In the course of the analysis, the author pays attention to the functional constituent of the system of values in relation to the social interaction. The publication reviews peculiarities of professional morality and notes the following: the value orientation of professional activities for public purposes; special moral requirements for carrying out of professional activities; provisions, rules, traditions and customs implemented in the practical activities of representatives of this or that profession and embedded into consciousness.

The author concludes that prevention measures will not be able to achieve their goal unless the changes cover the social sphere. Measures defining the social trend of the implemented changes are of significant importance for corruption combating: elimination of the profound and abrupt stratification of the society; support of low-income and poor citizens; strengthening of family principles; securing conditions for social engagement of a person and overcoming its social exclusion; limitation of negative circumstances of unemployment, forced migration.

Keywords: morality, social values, ethical values, professional ethics, corruption, state, law, prevention measures.

Кризисные явления в современном обществе в силу своих масштабов и значимости приобретают характер глобальных процессов, охватывающих судьбы как отдельных людей, так и государств, цивилизации в целом. Концептуальные изменения, происходящие сегодня во многих сферах жизнедеятельности человека, находят отражение и в его духовном мире, видоизменяя

основные этические ценности, моральные нормы и идеалы, ведь социальная природа человека во многом базируется на нравственных ценностях, отсутствие которых не может быть восполнено ни правом, ни религией, ни искусством. Этический феномен, будучи одним из существенных аспектов жизнедеятельности человека, является той его составной частью, которая

* Настоящая статья подготовлена в рамках выполнения работ по теме «Разработка примерных рабочих программ учебных дисциплин (модулей) по антикоррупционной тематике, в том числе фонды оценочных средств для включения их в реестр примерных основных образовательных программ с учетом многовариантной научно-обоснованной модели антикоррупционного образования» № 29.12671.2018/12.1.

выступает в качестве духовной основы, сути мировоззрения, фундаментом убеждений личности, ее моральной целостности¹.

В современном российском обществе формируется новый тип морали, нравственных отношений, которые выстраиваются и осваиваются на симбиозе старых и новых ценностей, которые, в свою очередь, также трансформируются и ломают все прежние представления о человечности, справедливости, модифицируя образы и идеалы будущего².

Ввиду этого особое значение получает моральный фактор в профессиональных сферах деятельности, прежде всего в тех, где от действий специалистов зависят жизнь, здоровье, безопасность большого количества людей, интересы общества и государства. На основе социальной этики синтезируются жизненные ценности, определяющие смысл человеческого существования, регулирование отношений, приоритеты развития.

В современных условиях поведение людей ориентировано на приспособление к быстро меняющимся обстоятельствам. Наряду с приспособлением формируется и иная задача — определить стратегические приоритеты, основную линию своего поведения на более или менее долгосрочный период. Эта задача включает несколько элементов:

- сохранение внутренней независимости и устойчивости;
- определение системы ценностей и предпочтений в новой системе отношений;
- выбор эталона;
- выработка адаптационных моделей поведения в период кризиса и в перспективе выхода из него³.

Для понимания сути социально-этических факторов, которые лежат в основе мер по предупреждению (профилактике) коррупции, обратим внимание на существенные черты понятия «ценности».

Традиционно под ценностями понимают явления, предметы или их свойства, которые необходимы, полезны людям определенной части общества или класса либо отдельным личностям для удовлетворения их потребностей. К ценностям могут относиться в том числе и идеи, побуждения в качестве цели, нормы или идеала. Это совершенная модель индивида или социальной группы, существующая в сознании человека. При определении своих поступков и линии поведения в целом, включая отношение к социальным правилам и нормам, индивиды, слои общества, социальные группы, классы исходят из системы своих представлений, ценностных ориентаций в определенной иерархии, где одним ценностям отдается большее предпочтение в ущерб другим, что определяет и мотивацию поступков, поведенческие цели и набор средств для их достижения. Это особенно ярко проявляется в конфликтных и сложных ситуациях⁴.

При анализе социально-этических мер предупреждения (профилактики) коррупции следует обратить внимание на функциональную составляющую системы ценностей по отношению к социальному взаимодействию. Ее можно выразить, на наш взгляд, сочетанием следующих обстоятельств. Прежде всего ценности могут оказывать стимулирующее воздействие на сложившиеся модели поведения и упрочить социальную или антисоциальную линию поведения. Или наоборот, тормозить антисоциальные потребности, блокировать образование антиобщественных мотивов поведения. Или могут стать самостоятельным мотивом поведения. Например, если субъект обладает антисоциальными ценностными ориентациями и испытывает материальные потребности, с большой долей вероятности можно прогнозировать формирование у него устойчивого корыстного мотива, проявляющегося в том числе и в профессиональной сфере.

Развитие общества неизбежно приводит к дифференциации трудовых функций, появляются новые профессии, в которых в зависимости от реализуемых задач, применяемых приемов и решаемого круга проблем возникает множество ситуаций, которые регулируются также ценностями профессиональной этики. Профессиональная этика, выступающая в качестве самостоятельной подсистемы, имеет свои особенности развития. При формировании качественно устойчивых профессиональных отношений возникают особые нравственные критерии, соответствующие выполняемому труду, появляется профессиональная мораль. Профессиональная мораль достаточно быстро становится своеобразной духовной реальностью, обладающей субъективной самостоятельностью⁵.

В научной литературе при анализе профессиональной морали/этики отмечаются два уровня: на первом она представляет собой некий набор моральных требований, достаточно часто слабо выраженных; на втором она представляется в виде четко обоснованной нормативной системы.

В качестве особенностей профессиональной морали следует выделить следующие:

- ценностную ориентацию профессиональной деятельности в общественных целях (неукоснительное исполнение профессионального долга, являющегося стержневым элементом профессиональной морали);
- особые нравственные требования для осуществления данной профессии;
- нормы, правила, обычаи и привычки, реализуемые в практической деятельности представителей той или иной профессии и закрепленные в сознании.

Общепринятые нормы морали, действующие в конкретном обществе на том или ином этапе его исторического развития, играют системообразующую роль по отношению к профессиональной морали. А общество, в свою очередь, всегда предъявляет повышенные моральные требования к представителям тех профессий, деятельность которых непосредственно связана с людьми и их интересами. Ввиду того, что особенностью этих профессий выступает возможность вмешательства в духовный мир человека, в его судьбу, это становится причиной особых нравственных ситуаций, требующих

¹ См.: Савинов А.В. Коррупция как ментальность нации и этноса // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 3. С. 37–39.

² См.: Мяготин А.В. Профессиональная этика: современные ценности и смыслы // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11).

³ См.: Золотухин Е., Золотухин В. «Нормальное» и «аномальное» общество // Свободная мысль. 1991. № 15. С. 68.

⁴ См.: Мерзляков С.Э., Волочкова М.Е., Рожнов С.Н. Коррупционная преступность в России и основные направления правовой борьбы с ней // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1.

⁵ См.: Куракин А.В. Этические принципы служебного поведения государственных служащих как способ предупреждения коррупции // Современное право. 2003. № 2. С. 32.

повышенного внимания. Большое значение приобретает в связи с этим управленческая (профессиональная) этика.

Следует отметить, что нормы права регулируют лишь наиболее важные сферы общественных отношений. Достаточно часто личные, бытовые и иные отношения (дружба, любовь и т.п.) в сферу регулирования права не входят, однако коррупционные преступления могут быть совершены и на их основе.

Соблюдение моральных норм может быть основой и на мощном воздействии социума, авторитете населения того населенного пункта, в котором живет или работает коррупционер.

По содержанию своих требований нормы морали и нормы права совпадают. Предписания нормативных актов, направленные на предупреждение коррупционных преступлений, отражены в моральных нормах. А ряд нормативных предписаний совпадает и с религиозными заповедями («не укради», «не убий» и др.).

Человек при совершении преступлений коррупционной направленности формирует свое поведение на основании своих представлений о выгоде или невыгоде своих поступков на основе механизма оправдательной мотивации. Оправдывая то, что считается выгодным, он, как правило, снижает критическое отношение к себе, и его в меньшей степени беспокоит моральная сторона при выборе средств и способов достижения поставленной цели⁶.

Ввиду этого при формировании социально-этических мер предупреждения (профилактики) коррупции важно сделать акцент на способность индивида к самодетерминации данного вида преступлений, так как одной из существенных форм при ее проявлении выступает чувство безнаказанности. В юридической практике, к сожалению, достаточно случаев, когда за коррупционные преступления преступники не получают соответствующей меры уголовного наказания, что порождает психологическое состояние, которое может стать основанием для совершения коррупционных преступлений. В здоровом обществе может проявиться и обратная тенденция — через общественное воздействие произойдет снижение уровня коррупционной преступности.

В контексте социально-этических мер предупреждения (профилактики) преступлений в коррупционной сфере важно внедрение механизма нравственной (моральной) социализации личности, которая выражается через осознание возможности применить моральные нормы в конкретной жизненной ситуации. При возникновении условий с коррупционной составляющей индивид, опираясь на адекватно сформированные нормы морали, должен воздерживаться от совершения преступления. Более подвержена деморализации та личность, которая по каким-то причинам не охватывается способами или средствами положительного воздействия, а в ряде случаев девиантное поведение выступает в качестве способа самоутверждения. Вполне логичным выглядит предположение о том, что личность человека, совершающего коррупционные преступления, как правило, нравственно дезадаптирована. Это связано с дезорганизацией ценностного уровня, в том

числе и с отсутствием сформированных способов положительного самоутверждения.

Нарушение социальной адаптации приводит к дезадаптации правовой, в том числе к деликвентности и совершению коррупционных преступлений. При этом следует отметить, что асоциальное поведение появляется быстрее, если человек оправдывает свои действия защитной мотивацией: «все крадут, и я», «все так делают, и ничего с ними не происходит» и т.д.

Чтобы добиться от гражданина правомерного поведения, необходимо, чтобы он четко усвоил хотя бы основные моральные ценности и научился применять в повседневной деятельности нравственные поведенческие нормы. Следовательно, моральная социализация конкретного индивида зависит от уровня сформированности нравственно-исполнительного поведения, осознания нравственных ценностей. Такие ценностные ориентиры находятся в сфере индивидуального сознания, которое связано с отражением явлений, значимых в нравственно-этическом смысле для индивида, а значит, их отражение выступает основой для регулирования поведения. Через указанный механизм формируется совокупность взглядов гражданина на моральные нормы, осуществляется развитие его представлений о критериях нравственности, суждений о моральном и аморальном.

Для понимания сущностных качеств сферы индивидуального сознания и, следовательно, сущностных характеристик социально-этических мер предупреждения (профилактики) коррупции важно выделить различные уровни его развития:

- первичный уровень, представляющий собой систему координирования своих действий в соответствии с эмпирическими представлениями о морали;
- средний уровень, который находит свое выражение в урегулировании ситуаций, сложных в социально-этическом отношении;
- максимальный уровень, показывающий комплексный характер всех морально-нравственных установлений с оценкой их сущности.

Для достижения максимальной эффективности предупреждения (профилактики) коррупции невозможно обойтись без государственной поддержки. Речь идет о закреплении на уровне официальной государственной идеологии представлений о нравственной личности. Эти представления должны включать в себя такие проявления духовной сферы жизни личности и общества, которые определяют престижность моральных норм, их ценность и эффективность в гражданском обществе. Без сомнения, государственная идеология, дополняемая эффективно реализуемыми нормами права в области противодействия коррупционным преступлениям, стала бы действенной мерой по предупреждению правонарушений в этой сфере⁷.

Морально ориентированные действия в конечном счете трансформируются в поведение, при котором цели, способы и результаты согласуются с моральными нормами. Ввиду этого социально-этические меры предупреждения (профилактики) преступлений представляют собой комплекс мер по предупреждению

⁶ См.: Столяров Н.С., Семенова А.А., Кузина М.Н. Коррупция: в чем таинство ее силы? // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2016. № 2. С. 29–33.

⁷ См.: Некрасов М.А. Государственная идеология в России: за и против // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя : научно-практическое издание. Саратов, 2016. С. 101–103.

коррупционных преступлений, основанных на нормах морали (нравственности) и применяемых гражданами, государством для снижения уровня коррупционной преступности.

Таким образом, значение норм морали в предупреждении коррупционной преступности обусловлено теми нравственными нормами, которые приняты, применяются и поддерживаются в нашем обществе, что предполагает выработку этической модели предупреждения коррупционной преступности на государственном уровне.

При раскрытии значения моральных норм при выработке комплекса мер, направленных на предупреждение коррупционной преступности, следует обратить внимание на следующие аспекты.

Нормы морали возникли на заре формирования человеческого общества. Они появились в том числе и для сплочения людей, разрешения конфликтов, выживания, а значит, были санкционированы населением и передавались из поколения в поколение. Ввиду отсутствия их официального выражения в письменной форме ряд из них был закреплен в произведениях искусства и литературы, летописях и др.

Нормы морали имеют свои оценочные критерии: морально — аморально, честно — нечестно,

благородно — подло и др. Эти критерии могут быть использованы при оценке противоправных действий личности преступника, совершающего коррупционные преступления. Свое отношение население также может выразить и при оценке норм уголовного законодательства, обвинительных или оправдательных приговоров судов, вынесенных в отношении коррупционных преступников⁸.

Однако меры предупреждения не смогут достичь цели, если изменения не затронут социальную сферу. Широкое антикоррупционное значение имеют меры, определяющие социальную направленность проводимых преобразований:

- устранение глубокого и резкого расслоения общества;
- поддержка малоимущих и нуждающихся граждан;
- укрепление семейных устоев;
- обеспечение условий для социализации личности и преодоление ее социального отчуждения;
- ограничение негативных последствий безработицы, вынужденной миграции.

⁸ См.: Ахметова Н.А. Роль профессиональной этики в профилактике коррупции // *Власть*. 2009. № 6.

Литература

1. Ахметова Н.А. Роль профессиональной этики в профилактике коррупции / Н.А. Ахметова // *Власть*. 2009. № 6. С. 106–109.
2. Золотухин Е. «Нормальное» и «аномальное» общество / Е. Золотухин, В. Золотухин // *Свободная мысль*. 1991. № 15.
3. Коробкин А.Н. Управление конфликтом интересов в коммерческом банке как механизм противодействия коррупции / А.Н. Коробкин // *Банковское право*. 2016. № 5. С. 32–37.
4. Куракин А.В. Этические принципы служебного поведения государственных служащих как способ предупреждения коррупции / А.В. Куракин // *Современное право*. 2003. № 2. С. 33–36.
5. Мерзляков С.Э. Коррупционная преступность в России и основные направления правовой борьбы с ней / С.Э. Мерзляков, М.Е. Волочкова, С.Н. Рожнов // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 1. С. 161–167.
6. Мяготин А.В. Профессиональная этика: современные ценности и смыслы / А.В. Мяготин // *Ценности и смыслы*. 2011. № 2 (11). С. 74–80.
7. Некрасов М.А. Государственная идеология в России: за и против / М.А. Некрасов // *Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя : научно-практическое издание*. Саратов : Амирит, 2016. С. 101–103.
8. Савинов Л.В. Коррупция как ментальность нации и этноса / Л.В. Савинов // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2011. № 3. С. 37–39.
9. Светличный А.В. Комплаенс. Меры по предупреждению коррупции в организации / А.В. Светличный // *Юрист*. 2017. № 18. С. 34–39.
10. Столяров Н.С. Коррупция: в чем таинство ее силы? / Н.С. Столяров, А.А. Семенова, М.Н. Кузина // *Вестник РУДН. Серия : Государственное и муниципальное управление*. 2016. № 2. С. 29–34.

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

*Колоткина Оксана Анатольевна,
доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования
Уральского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
oks-kolotkina@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности функционирования института общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов, определяется место в структуре гражданского общества. В ходе проведенного исследования установлено, что в структуре гражданского общества особое внимание на доктринальном уровне уделяется его институтам (субъектам). Первостепенное значение в структуре гражданского общества отводится гражданам, их конституционным правам и свободам. Важнейшим конституционным правом граждан, реализация которого отражается на общем состоянии гражданского общества, является гарантированное со стороны государства право на участие в управлении делами государства. Формы участия граждан предусмотрены как в действующей Конституции РФ, так и в иных нормативных правовых актах. Одной из форм участия граждан в управлении делами государства является общественный контроль, осуществляемый в том числе и посредством общественной экспертизы различных юридических документов. В системе юридических документов особая роль отводится нормативным правовым актам, в том числе и на стадии их разработки. В целях устранения рисков в сфере правотворческой деятельности, связанной с разработкой и принятием нормативных правовых актов, которые могут негативно отразиться на законных интересах российских граждан в различных сферах жизнедеятельности, учрежден институт общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Автор статьи на основе обзора действующего законодательства, практики проведения экспертной деятельности со стороны субъектов гражданского общества выявляет общие проблемы института общественной (независимой) экспертизы и предлагает конкретные пути их решения.

Ключевые слова: общественная (независимая) экспертиза, гражданское общество, Общественная палата Российской Федерации, общественный контроль, экспертная деятельность, проекты нормативных правовых актов, гражданское общество, Общественная палата Российской Федерации, экспертный кодекс.

The Institution of Public Examination of Bills in the Civil Society Structure

*Kolotkina Oksana A.
Associate Professor of the Department of Competition Law
and Anti-Monopoly Regulation of the Ural State University of Economics
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

The article deals with the features of the functioning of the Institute of public expertise of draft normative legal acts, determined the place in the structure of civil society. In the course of the study it was found that in the structure of civil society, special attention is paid to its institutions (subjects) at the doctrinal level. Citizens, their constitutional rights and freedoms are given priority in the structure of civil society. The most important constitutional right of citizens, the implementation of which affects the General state of civil society, is the right guaranteed by the state to participate in the management of state Affairs. Forms of participation of citizens are provided in the current Constitution of the Russian Federation and other regulatory legal acts. One of the forms of participation of citizens in the management of state Affairs is defined as public control, carried out including through public examination of various legal documents. In the system of legal documents, a special role is given to regulatory legal acts, including at the stage of their development. In order to eliminate risks in the sphere of law-making activities related to the development and adoption of normative legal acts that may adversely affect the legitimate interests of Russian citizens in various spheres of life, the Institute of public expertise of draft regulatory legal acts was established. The author of the article on the basis of the review of the current legislation, the practice of expert activity on the part of civil society subjects reveals the common problems of the Institute of public (independent) expertise and offers specific ways to solve them.

Keywords: public (independent) expertise, civil society, Public chamber of the Russian Federation, public control, expert activity, draft normative legal acts, civil society, Public chamber of the Russian Federation, expert code.

Вопросы о сущности, формировании и совершенствовании гражданского общества на различных этапах исторического развития, в том числе в современных условиях, многоаспектно представлены в исследованиях представителей политико-правовой науки. Одним из аспектов исследования современного состояния гражданского общества является изучение его отдельных институтов, проявляющих гражданскую активность и самостоятельность в рамках различных социальных

систем и сфер жизнедеятельности¹ для удовлетворения

¹ Мукиенко И.Н. Собственность и свобода личности — индикаторы «правового здоровья» гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 7–11; Ельцов Н.С. Основные этапы процесса институализации профессиональных юридических общественных объединений в России // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 18–22; Абрамитов С.А., Мамедов Э.Ф. Региональные обществен-

частных интересов (прав, свобод, целей и др.) личности. Институциональный подход к структурированию гражданского общества наряду с системным, секторным и комплексным достаточно широко распространен в исследовательской литературе². Именно этот подход позволяет достаточно детально проанализировать конкретных субъектов гражданского общества (личность, семья, общественные объединения и организации, политические партии и др.), способствующих полноте реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Стоит учесть, что институты гражданского общества относятся к числу важнейших факторов, участвующих в обеспечении национальной безопасности России, в том числе в реализации национальных интересов и стратегических приоритетов страны³.

Ключевым субъектом гражданского общества остается личность с ее активной и самостоятельной гражданской позицией относительно ключевых вопросов жизнедеятельности и взаимодействия с институтами политической власти. Роль человека вне зависимости от его правового положения трудно недооценить, так как гражданское общество — это включенные в заботу об общем будущем неравнодушные и активные индивиды (граждане) и их объединения. Низкий уровень доверия граждан к институтам политической власти, да и к отдельным институтам гражданского общества, например ряду некоммерческих организаций, в последнее время усиливает интерес со стороны граждан к деятельности институтов, обеспечивающих взаимодействие органов власти и гражданского общества, — общественных палат, общественных советов, институтов общественного контроля.

В настоящее время исследователями уделяется повышенный научный интерес как к самой категории «общественный контроль», так и выявлению роли общественного контроля в построении гражданского общества, рассматриваемого в качестве его самостоятельного института⁴.

В Российской Федерации созданы правовые основы общественного контроля. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции РФ единственным источником в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Еще одна конституционная норма, закрепленная в ч. 1 ст. 32, предоставляет

право гражданам Российской Федерации участвовать в управлении делами государства как через представителей, так и непосредственно⁵. В 2005 г. вступил в силу Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации»), где среди основных функций вновь созданного института гражданского общества была обозначена функция осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти (ч. 1 ст. 1)⁶. В 2014 г. был принят и вступил в силу Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»)⁷, в котором было конкретизировано конституционное право граждан на осуществление общественного контроля как непосредственно, так и через деятельность общественных объединений; дана легальная дефиниция термина «общественный контроль»; определены конкретные формы и механизм осуществления общественного контроля и др. В соответствии с ч. 1 ст. 18 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» обозначены конкретные формы реализации общественного контроля — общественный мониторинг, общественные проверки, общественная экспертиза и др. Общественная экспертиза, таким образом, представляет собой особую форму осуществления общественного контроля со стороны независимого эксперта-специалиста, объектом которой выступают различные виды юридических документов (их проектов), исходящих от органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, проверяемые в ходе экспертизы на предмет соответствия нормам действующего законодательства и соблюдения прав и законных интересов граждан и их объединений.

Особое внимание как на доктринальном⁸, так и на законодательном уровне уделяется институту общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов, исходящих от различных субъектов правотворчества. В действующем законодательстве право проведения общественной экспертизы проектов различных нормативных актов, затрагивающих прежде всего конституционные права и свободы граждан в области социального обеспечения, отнесено к одной из форм работы Общественной палаты Российской Федерации (ст. 16, 18 Федерального закона «Об общественной палате Российской Федерации»). Результаты проведения общественных экспертиз Общественной палатой Российской Федерации представлены ниже в таблице в период с 2014–2017 гг.

ные палаты как нетипичные институты гражданского общества: некоторые проблемы определения статуса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 23–26.

² Голубовский В.Ю., Никодимов И.Ю., Синюкова Т.Н. Институты гражданского общества в современной России // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 20 (217). Вып. 34. С. 43–50; Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация. 2003. № 10. С. 13–19.

³ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2017. С. 4.

⁴ Казаков В.Н., Евсиков К.С., Беляткина К.А. Институт общественного контроля в Российской Федерации как элемент гражданского общества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2–3. С. 22–30; Галкин А.Г. Контрольные полномочия институтов гражданского общества по отношению к государственной власти // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 116 (02). С. 1–12.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁶ Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 7 апреля.

⁷ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 23 июля.

⁸ Кожевников В.В., Колбина В.А. Общественная (социальная) экспертиза законопроектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 12–18.

Таблица

Период проведения общественной экспертизы (2014–2017 гг.)	Количество проведенных общественных экспертиз
2014 г.	12
2015 г.	64
2016 г.	65
2017 г.	69, из них 60 проведены в формате «нулевого чтения»

Как видно из табл., общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов за последние годы пусть постепенно, но уверенно становится одной из востребованных форм деятельности Общественной палаты Российской Федерации. Такая тенденция обусловлена активизацией правотворческой деятельности в Российской Федерации, направленной на формирование единого правового пространства, с учетом изменения общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности, что не могло в конечном итоге не отразиться на качестве принимаемых нормативных правовых актов, затрагивающих основные права и законные интересы граждан.

Таким образом, Общественная палата Российской Федерации создана как платформа для взаимодействия власти и общества, выработки единого подхода по разрабатываемым проектам нормативных правовых актов и для проведения общественной экспертизы в отношении этих документов. Провозглашенная на законодательном уровне цель способствует реализации конституционного положения об участии граждан Российской Федерации в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.

Обратим внимание на то, что общественная экспертиза может быть проведена в отношении различных проектов нормативных правовых актов. Условно эти проекты можно разделить на две категории: а) законопроекты, планируемые к принятию на федеральном и региональном уровнях; б) проекты подзаконных нормативных актов, планируемые к принятию на федеральном и региональном и муниципальном уровнях различными субъектами правотворчества.

Особое внимание в законе уделяется общественной экспертизе законопроектов. Такая возможность Общественной палаты Российской Федерации закреплена в ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об общественной палате Российской Федерации», в которой регламентируется, что Общественная палата Российской Федерации вправе проводить экспертизу проектов законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов.

В законе отмечается, что экспертиза Общественной палатой Российской Федерации проводится не по всем законопроектам, а только по тем, которые касаются государственной социальной политики и конституционных прав граждан Российской Федерации в области социального обеспечения, а также проектам, которые принимаются в рамках обеспечения общественной безопасности⁹ и правопорядка (ч. 2 ст. 18).

⁹ Колоткина О.А. Соотношение индивидуального и коллективных интересов в процессе обеспечения национальной безопасности // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 4 (15). С. 34–37.

Законодатель определил место общественной экспертизы на стадии принятия закона, такая позиция позволяет говорить о предварительном контроле со стороны института гражданского общества — Общественной палаты Российской Федерации. Предварительный нормоконтроль в рамках общественной экспертизы позволяет уменьшить или вообще исключить риски, связанные с принятием нормативного правового акта, нарушающего права, свободы и законные интересы человека и гражданина.

Необходимо отметить, что с момента создания Общественной палаты Российской Федерации гражданское общество вступило в новую фазу общественных отношений, которые складываются с государством. Эта новизна выражается в том, что: *во-первых*, государственная власть создает условия для учета общественного мнения, представителей различных социальных групп¹⁰; *во-вторых*, общество в лице своих граждан и их объединений понимает свою роль в управлении делами государства и свои возможности в донесении значимости социальных проблем до государственной власти через специально созданные институты гражданского общества — Общественной палаты Российской Федерации и общественной экспертизы.

Таким образом, как было отмечено ранее, личность является основным субъектом гражданского общества. Полноценным субъектом гражданского общества личность делают ее активная гражданская позиция, понимание своей роли в политической жизни государства, осознание возможности принятия участия в управлении делами государства в предусмотренных законодательством формах. Одной из форм в управлении делами государства является экспертная деятельность граждан, привлекаемых на основе норм законодательства в качестве независимых экспертов.

Общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов и возможность привлечения для ее проведения независимых общественных экспертов не являются единственным примером в российском законодательстве. Анализ норм действующего законодательства указывает на то, что экспертная деятельность со стороны институтов гражданского общества предусмотрена при осуществлении различных видов экспертиз: антикоррупционной экспертизы¹¹, экологической экспертизы¹², оценки регулирующего воздействия¹³ и др.

¹⁰ Ягофарова И.Д. Принцип справедливости в правоприменительной деятельности: вопросы теории и практики // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 3 (18). С. 71–74.

¹¹ Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Российская газета. 2009. 22 июля.

¹² Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об экологической экспертизе» // Российская газета. 1995. 30 ноября.

¹³ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 176-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и статьи 7 и 46 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых

Однако, несмотря на наличие в действующем законодательстве института общественной (независимой) экспертизы, стоит признать фрагментарное исследование на доктринальном уровне этих видов экспертиз, осуществляемых субъектами гражданского общества, а также фактическое отсутствие обобщенной положительной экспертной практики, проводимой в этом направлении.

На взгляд автора статьи, одной из причин сложившегося положения является отсутствие систематизации законодательства в области экспертной деятельности, осуществляемой субъектами гражданского общества — гражданами и их объединениями. В связи с этим было бы целесообразно говорить о необходимости принятия единого нормативного правового акта, который бы регламентировал общие моменты экспертной деятельности, определял ее принципы осуществления, обозначал виды общественной (независимой) экспертизы, субъектов и объекты проведения экспертизы, регламентировал бы детально механизм проведения отдельных видов экспертиз в области законодательства, закрепляя за гражданами реальные возможности по осуществлению экспертной деятельности. Таким актом мог бы стать специализированный федеральный закон об экспертной деятельности или экспертный кодекс, в том числе такие положения мог ли бы найти отражение и в федеральном законе о нормативных правовых актах (7-я глава проекта).

Еще одной из проблем является непосредственная практика проведения экспертизы, в частности речь идет о результатах проведенной экспертизы — экспертном заключении. Зачастую такие заключения носят рекомендательный характер и не подлежат обязательному официальному опубликованию, что, на взгляд автора статьи, умаляет значение института общественной экспертизы в структуре гражданского общества.

Стоит отметить, что в отличие от иных видов экспертиз (например, судебных) экспертиза проектов нормативных правовых актов в юридической доктрине является малоизученной. К числу явных исследовательских пробелов в данном отношении относятся неточность категориально-понятийного аппарата (использование различных терминов — «общественная экспертиза», «независимая экспертиза», «социальная экспертиза»); неполнота видовых характеристик экспертиз проектов нормативных правовых актов и их особенностей; отсутствие полного перечня субъектов экспертной деятельности и четких требований к ним

актов и экспертизы нормативных правовых актов» // Российская газета. 2013. 10 июля.

Литература

1. Абрамитов С.А. Региональные общественные палаты как нетипичные институты гражданского общества: некоторые проблемы определения статуса / С.А. Абрамитов, Э.Ф. Мамедов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 23–26.
2. Галкин А.Г. Контрольные полномочия институтов гражданского общества по отношению к государственной власти / А.Г. Галкин // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 116 (02). С. 1–12.
3. Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация / М.Б. Глотов // СоцИс. 2003. № 10. С. 13–19.
4. Голубовский В.Ю. Институты гражданского общества в современной России / В.Ю. Голубовский, И.Ю. Никодимов, Т.Н. Синюкова // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 20 (217). № 34. С. 43–50.
5. Ельцов Н.С. Основные этапы процесса институализации профессиональных юридических общественных объединений в России / Н.С. Ельцов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 18–22.
6. Казаков В.Н. Институт общественного контроля в Российской Федерации как элемент гражданского общества / В.Н. Казаков, К.С. Евсиков, К.А. Белякина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2-3. С. 22–30.

со стороны законодательства; недостаточная эффективность средств, методов и приемов осуществления экспертизы проектов нормативных правовых актов. В целом можно заключить, что в Российской Федерации в настоящее время отсутствует надлежащее правовое регулирование экспертной деятельности в отношении проектов и действующих нормативных правовых актов, которое составило бы основу ее институционализации и совершенствования на практике.

Таким образом, исследуя вопрос об институте общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов в структуре гражданского общества, можно сделать ряд основных выводов:

1. В структуре гражданского общества особое место отводится его институтам, в частности речь идет о конкретных субъектах, способствующих установлению диалога между государством и обществом, в целях удовлетворения гражданами своих конституционных прав, свобод и законных интересов.

2. Среди субъектов гражданского общества особое место отводится гражданам Российской Федерации и их объединениям. Именно гражданам Российской Федерации предоставлено конституционное право на управление делами государства непосредственно или через представителей. Одной из форм осуществления гражданами своего конституционного права является возможность осуществления общественного контроля, в том числе и посредством экспертной деятельности.

3. Общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов представляет собой один из видов экспертной деятельности, осуществляемой представителями гражданского общества при непосредственном участии Общественной палаты Российской Федерации. В свою очередь, институт общественной (независимой) экспертизы в действующем российском законодательстве представлен разнообразием видов экспертиз, объектом которых выступают действующие нормативные правовые акты или проекты.

4. Законодательство в области проведения экспертной деятельности со стороны гражданского общества нуждается в совершенствовании. В частности, необходимо провести систематизацию норм действующего законодательства путем принятия экспертного кодекса или специализированного федерального закона, в которых достаточно детально будет регламентирован механизм проведения общественных (независимых) экспертиз, с указанием положительного социального эффекта для современного состояния гражданского общества и правовой государственности в целом.

7. Кожевников В.В. Общественная (социальная) экспертиза законопроектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы / В.В. Кожевников, В.А. Колбина // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 12–18.
8. Колоткина О.А. Соотношение индивидуального и коллективных интересов в процессе обеспечения национальной безопасности / О.А. Колоткина // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 4 (15). С. 34–37.
9. Мукиенко И.Н. Собственность и свобода личности — индикаторы «правового здоровья» гражданского общества / И.Н. Мукиенко // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 7–11.
10. Ягофарова И.Д. Принцип справедливости в правоприменительной деятельности: вопросы теории и практики / И.Д. Ягофарова // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 3 (18). С. 71–74.

ВИДЫ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

*Кирьянов Артем Юрьевич,
председатель Российского союза налогоплательщиков,
член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН),
член Общественной Палаты Российской Федерации,
кандидат юридических наук
akiryaynov@mail.ru*

Статья посвящена видам негосударственного контроля. Автор, исследуя феномен негосударственного контроля, предлагает выделить в негосударственном контроле те виды, которые на сегодняшний день существуют, но не определяются указанной формой правового контроля.

Ключевые слова: негосударственный контроль, гражданское общество, государство, контрольные полномочия.

Non-State Control Types

*Kiryaynov Artem Yu.
Chairman of the Russian Taxpayer Union
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)
Member of the Public Chamber of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

The article is devoted to types of non-state control. The author, examining the phenomenon of non-state control, proposes to identify in non-state control those species that exist today, but are not determined by a single generic form of legal control.

Keywords: non-state control, civil society, state, control powers.

Публичная сфера, а следовательно, и публичные интересы в современном государстве опираются на конституционно-правовые начала государственного функционирования, определяющие сущность правового государства (правовой политической организации свободных и равных индивидов¹). Таким образом, категории социального регулирования и контроля взаимодействуют с категориями публичного. Здесь следует уточнить, что именно контрольная функция или контроль в социальной регуляции будет выступать специальным феноменом права, позволяющим сбалансировать сферу публичных и частных интересов. Представляется, что посредством контроля будет достигаться тот самый конституционный баланс, столь часто упоминаемый в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Публичная сфера подвергается воздействию механизмов как государственного, так и негосударственного контроля, при этом воздействие последнего

возрастает в геометрической прогрессии. Если обратиться к понятию современного правового государства, следует указать и на категорию «публично-политическая власть», являющуюся его атрибутом, в основе которой лежит обеспечение правового порядка в гражданском обществе, обладающую механизмом принуждения и системой принуждающих органов², именно эта категория обладает свойством трансформации, смещения фокуса от тотального принуждения к «умному регулированию». В основаниях такого регулирования лежит концепция контроля в целом и тенденции к усилению негосударственного контроля.

Негосударственный контроль можно классифицировать по видам различными способами. В основе таких классификаций может лежать разграничение по субъектам его реализации, сущностному признаку, степени воздействия, объекту и иным основаниям. Представляется, что из существующих видов негосударственного контроля наиболее исследованными в российской правовой науке являются такие виды, как общественный контроль, гражданский контроль (как правило, отождествляется с общественным), муниципальный контроль, народный контроль.

¹ Подробнее о концепциях сущности государства см.: Лукьянова Е.Г. Теория права и государства. Введение в естественно-правовой курс. М.: Норма; Инфра-М., 2014 С. 162–165; Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2006. С. 123–153.

² См.: Лукьянова Е.Г. Указ. соч. С. 198.

Обратимся к рассмотрению такого вида негосударственного контроля, как общественный контроль, подробнее, так как в концепции негосударственного контроля данный вид является одним из ключевых.

В.В. Гриб в одном из своих исследований отмечает, что общественный контроль над государством является ключевой функцией гражданского общества и указывает, что «применительно к демократической системе общественный контроль предстает как единство государственного контроля и контроля гражданского общества (гражданской контроль)»³. По мнению автора, гражданский контроль реализуется в неинституциональной форме как функция элементов гражданского общества (политических партий, общественных организаций, СМИ, обращений граждан). Представленная позиция демонстрирует отождествление гражданского и общественного контроля, при этом автором приводится тезис о том, что общественный контроль не обладает властно-правовым характером, осуществляется двумя субъектами — обществом и гражданами и в целом не является обязательным⁴.

Общественный контроль некоторые исследователи рассматривают в совокупности с государственным и муниципальным контролем. В частности, С.М. Зырянов полагает, что общественный контроль в совокупности с государственным и муниципальным контролем формируют систему социального контроля, при этом степень влияния общественного контроля возрастает. Субъектами контроля обозначаются схожие с указанными выше институты гражданского общества: общественные объединения (профсоюзы, политические партии, различные общества, в том числе общества защиты прав потребителей, общества по интересам и др.), общественные организации (правозащитные и иные), средства массовой информации (с множеством новых форм, развивающихся в сети Интернет), общественные палаты и советы, отдельные граждане⁵.

В рамках анализа государственного управления и его усовершенствования общественный контроль исследуется как один из основных элементов противодействия коррупции и мер по профилактике коррупции, эффективность общественного контроля в таком направлении рассматривается как возможное улучшение качества российской нормативно-правовой базы⁶. В данном фокусе реализуется и легальная фиксация категории общественный контроль в п. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской

Федерации»). Здесь следует указать и на публичную природу общественного контроля.

В актуальных конституционно-правовых исследованиях вопросу общественного контроля уделяется немало внимания, особенно в это направление правовой дискурс сместился после принятия указанного Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Особенностью данного дискурса стало обсуждение различных векторов совершенствования закона и направлений дополнительного регулирования вопросов общественного контроля, конкретизации самого понятия. К числу подобных исследований следует отнести, например, исследование Е.А. Огневой, рассмотревшей общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина⁷.

Другие исследования общественного контроля демонстрируют определенную отраслевую направленность, общественный контроль исследуется в рамках анализа применения контроля в государственном секторе, соблюдения законодательства в сфере местного самоуправления, в сфере государственных и муниципальных закупок, в сфере образования и так далее⁸. Несмотря на то, что в обозначенных исследованиях анализируются различные стороны общественного контроля, к сожалению, на наш взгляд, в них не находится места для обозначения общественного контроля в рамках концепции негосударственного контроля в целом. Общественный контроль как вид негосударственного контроля в конституционно-правовом контексте не рассматривается. Терминологическое отождествление общественного контроля с иными видами негосударственного контроля способствует невозможности надлежащего конституционно-правового измерения как самого общественного контроля, так и негосударственного контроля в целом. Нельзя согласиться и с тем, что, получив легальное определение общественного контроля, разрешается задача правовой институционализации общественного контроля и его правового содержания особенно в том значении, в котором это определение действует в рамках сегодняшнего нормативного регулирования.

Если обратиться к разграничению видов контроля, то здесь позиция исследователей так же сводится к разделению государственного и общественного контроля⁹. Критерии разграничения во многом осно-

³ Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты. М.: Юрист, 2011. С. 136.

⁴ См.: Там же. С. 138.

⁵ См.: Стародубова О.Е. Общественный контроль: правовая поддержка // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 130–136.

⁶ См. например: Шерстобоев О.Н. Общественный контроль в системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 28–31; Кирьянов и др. О полномочиях и общественном контроле в системе местного самоуправления: коллективная монография. М.: Печатай-просто, 2016. 144 с.

⁷ Огнева Е.А. Общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9.

⁸ См. например: Токарев Е.А. Госзакупки. Анализ проблем по результатам общественного контроля // Публичные закупки: проблемы правоприменения: материалы IV Международной конференции (10.06.2016, МГУ имени М.В. Ломоносова). М.: Юстицинформ, 2016. 320 с.; Долгих Ф.И. Правовое регулирование финансирования текущей деятельности политических партий России: монография. Гл. 7. М.: Юрист, 2017. 336 с.; Едкова Т.А., Иванюк О.А., Сороко А.В. и др. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. 160 с.

⁹ См. например: Масловская М.В. Контроль и его виды в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 3–9.

вываются на констатации существующего правового положения общественного контроля в рамках действующего правового регулирования, вместе с тем не приводится оснований, которые бы позволили рассматривать общественный контроль как потенциально более эффективный. Важным является и тот факт, что, выделяя только общественный контроль, не рассматривая его в качестве одного из видов негосударственного контроля, фактически сужается сфера общественного воздействия на государство. Фрагментация различных контрольных функций в их отделении от государственного контроля приводит к снижению роли контрольных функций народа как субъекта конституционно-правовых отношений.

Виды негосударственного контроля нами предлагается рассматривать в единой концепции негосударственного контроля, усматривая важнейшую функцию гражданского общества и индивида (в реализации его права и несения соответствующих им обязанностей). Иным видом негосударственного контроля, которому уделяется значительное внимание в правовой науке, является муниципальный контроль. В силу определенных особенностей нормативного регулирования рассмотрение муниципального контроля, как правило, идет в совокупности с государственным, что с конституционно-правовых оснований представляется некорректным.

Напомним, что согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Это одна из фундаментальных основ конституционного строя. Основные конституционные положения в отношении местного самоуправления содержатся в гл. 8 Конституции Российской Федерации, сущностными из которых также являются положения ст. 130 Конституции Российской Федерации. При этом уровень конституционной самостоятельности местного самоуправления настолько высок, что подразумевает осуществление местного самоуправления гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления (п. 2 ст. 130 Конституции Российской Федерации).

Рассматривая общественный контроль и муниципальный контроль как виды негосударственного контроля, необходимо определить, что указанные виды контроля не должны противопоставляться друг другу, и важно указать на доктринальную оценку данных категорий, не вполне совпадающую с нормативной (это касается как общественного, так и муниципального контроля). Таким образом, следует рассматривать общественный контроль и муниципальный контроль как виды негосударственного контроля, который реализуется в первую очередь индивидами и гражданским обществом, формализующегося в виде определенных субъектов реализации негосударственного контроля (общественными организациями, органами местного самоуправления, населением территорий муниципальных образований), и главным фактором здесь будет конституционная реализация народом Российской Федерации собственных прав посредством негосударственных механизмов, т.е. таких, в которых субъектно и напрямую не участвует государственная власть.

Нам необходимо указать на то, что вопросы исследования тех или иных явлений в постклассической

парадигме предполагают невозможность традиционного оформления определенных конституционно-правовых явлений. Важным представляется выделить определенные элементы разграничения исследуемых явлений. Так, в вопросе такого вида негосударственного контроля, как гражданский контроль, важным представляется разграничение этого вида с общественным контролем. Полагаем, что гражданский контроль как вид негосударственного контроля представляет собой форму реализации конкретными индивидами собственных конституционных прав, отграничить его от общественного контроля необходимо в силу особенностей его реализации, а именно через реализацию конкретным гражданином и (или) индивидуумом.

Сопоставление и смешение общественного контроля с гражданским контролем не дают возможности определить индивида как субъекта контрольного процесса, нивелируют сущность реализации его конституционных прав (в том числе и на управление, воздействие на государство). Рассматривая гражданский контроль как общественный, мы убираем индивидуалистический аспект, сводим позицию и возможности одного индивида к позиции и возможностям всего общества (хотя именно конкретный человек, его права и обязанности являются высшей ценностью, ст. 2 Конституции Российской Федерации). Если обратиться к действующему российскому законодательству, то можно убедиться в том, что именно гражданский контроль и его механизмы во многом урегулированы, дают возможности каждому конкретному индивиду воздействовать на государство и контролировать его. Фундаментальными здесь являются Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.11.2017) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹⁰ и принятый относительно недавно Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ¹¹.

Приведенные виды негосударственного контроля являются наиболее заметными в российской правовой практике. Вместе с тем к видам негосударственного контроля следует отнести и иные виды. Применяемый нами метод разграничения в социальном контроле позволяет нам говорить о том, что виды негосударственного контроля следует разделять на эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные виды нами уже были названы (общественный, гражданский и муниципальный виды контроля), а вот имплицитные формируются на основании конкретных конституционных норм, но, как правило, не рассматриваются и не относятся к традиционным видам контроля. Речь идет о таких видах контроля, которые осуществляются адвокатами, нотариусами, саморегулируемыми организациями.

Имплицитные виды негосударственного контроля предполагают контроль за исполнением норм российского законодательства профессиональными сообществами. При этом отнесение, как указывалось выше, таких профессиональных сообществ к элементам гражданского общества не подменяет их специфики и

¹⁰ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.11.2017) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

¹¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

необходимости выделения в отдельные виды контроля. Специфика имплицитных видов негосударственного контроля определяется правовым статусом субъектов его реализации и особенностями его правового регулирования. Как правило, в отечественной правовой науке деятельность перечисленных профессиональных сообществ не относится в категории контрольной, но при этом сам правовой статус этих сообществ говорит нам именно о реализации ими определенных контрольных функций по отношению к государству и его правовой системе. В обозначенных видах негосударственного контроля заложены конституционные принципы отделения от государства определенных видов профессиональной деятельности и некоторых делегированных полномочий, которые напрямую связаны с защитой

и гарантированием конституционных прав и свобод граждан. Например, если говорить об институте адвокатуры, то этот тезис обосновывается в первую очередь правом на получение квалифицированной юридической помощи (п. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации).

Виды негосударственного контроля многообразны и могут иметь различные доктринальные классификации. Вместе с тем виды негосударственного контроля предлагается разделять по признаку контрольных функций правового регулирования на эксплицитные (общественный контроль, муниципальный контроль, гражданский контроль) и имплицитные виды (профессиональный контроль адвокатуры, нотариата и саморегулируемых организаций).

Литература

1. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты / В.В. Гриб. М. : Юрист, 2011. 396 с.
2. Долгих Ф.И. Правовое регулирование финансирования текущей деятельности политических партий России : монография / Ф.И. Долгих. М. : Юрист, 2017. 336 с.
3. Масловская М.В. Контроль и его виды в Российской Федерации / М.В. Масловская // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 3–9.
4. Нерсесянц В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. М. : Норма, 2006. 848 с.
5. Кирьянов А.Ю. О полномочиях и общественном контроле в системе местного самоуправления : коллективная монография / А.Ю. Кирьянов и др. М. : Печатай-просто, 2016. 144 с.
6. Огнева Е.А. Общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Огнева. М., 2015. 24 с.
7. Стародубова О.Е. Общественный контроль: правовая поддержка / О.Е. Стародубова // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 130–136.
8. Едкова Т.А. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией : научно-практическое пособие / Т.А. Едкова, О.А. Иванюк, А.В. Сороко и др. ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М. : ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. 160 с.
9. Шерстобоев О.Н. Общественный контроль в системе государственного управления / О.Н. Шерстобоев // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 28–31.

МЕЖДУ «СОВИНЫМИ КРЫЛАМИ» ОХРАНИТЕЛЬСТВА И БЕЗБРЕЖНОЙ АНАРХИЕЙ МИТИНГОВОЙ СТИХИИ — С.А. МУРОМЦЕВ ВО ГЛАВЕ КОМИССИИ ПО РАЗРАБОТКЕ ПРАВИЛ ДЛЯ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1881 Г.

*Аронов Дмитрий Владимирович,
заведующий кафедрой истории правовых учений
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
доктор исторических наук, профессор
aronovdv@mail.ru*

*Кошелева Светлана Витальевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
в сфере профессиональной коммуникации
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
koshelevasv7osu@mail.ru*

В статье анализируются эпизоды академической карьеры С.А. Муромцева, выдающегося российского юриста, Председателя Первой Государственной Думы (1906), связанные с разработкой новой редакции правил для студентов Московского университета в период усиления контроля правительства за преподавателями и студентами университетов России. В научный оборот вводятся архивные материалы об участии С.А. Муромцева как председателя соответствующей комиссии в разработку новой редакции Правил для студентов университета. На основании анализа избранных им основополагающих жизненных принципов делается вывод о том, что его участие в этой работе было попыткой реализовать на практике сущность охранительного либерализма, найти баланс между попытками реставрации дореформенных порядков и стихией бунта.

Ключевые слова: Муромцев, история российского либерализма, история высшего образования в России.

Between the "Owl Wings" of the Conservative Ideology and the Limitless Anarchy of the Rally Force — S.A. Muromtsev Heading the Commission on the Development of Rules for the Moscow University Students in 1881

*Aronov Dmitry V.
Head of the Department of History of Legal Doctrines
of the Orel State University named after I.S. Turgenyev
Doctor of History
Professor*

*Kosheleva Svetlana V.
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages in Professional Communication
of the Orel State University named after I.S. Turgenyev*

The article analyzes the episodes of the academic career of S.A. Muromtsev, an outstanding Russian lawyer, Chairman of the First State Duma (1906), connected with the development of a new edition of the rules for Moscow University students during government control strengthening over teachers and students of Russian universities. Archival materials on the participation of S.A. Muromtsev, as the Chairman of the relevant Commission, in the development of a new edition of the rules for University students are introduced for scientific use. Based on the analysis of his fundamental life principles the conclusion is drawn that his participation in that work was an attempt to put into practice the nature of conservative liberalism, to find a balance between the attempts to restore the pre-reform order and the unbridled revolt.

Keywords: Muromtsev, history of Russian liberalism, history of higher education in Russia.

Наверное, последнее, в чем можно было бы заподозрить Сергея Андреевича Муромцева на протяжении всей его сознательной жизни как политика, ученого и гражданина, так это в отказе от усвоенных жизненных принципов в угоду политической, равно как и иной целесообразности. Исследователи его творчества, анализируя все сколь-нибудь значимые эпизоды его жизни, сходятся на том, что едва ли не единственным подобным эпизодом, о чем говорил и сам С.А. Муромцев, стало подписание так называемого «выборгского воззвания». Еще одним эпизодом, упомянутым, правда,

лишь в поздних воспоминаниях П.Н. Милюкова, является реакция Сергея Андреевича на согласие П.Н. Милюкова уступить ему пост премьер-министра в предполагавшемся в 1906 г. коалиционном правительстве¹. Яркими показателями его следования именно усвоенным базовым жизненным принципам, а не некоей сиюминутной целесообразности, были такие эпизоды, как запрет на публикацию «Записки о внутреннем

¹ Более подробно см.: Аронов Д.В. От Лазавки — до Таврического дворца. Орел, 2010.

состоянии России весной 1880 г.»², постановка под предварительную цензуру «Юридического вестника», неоднократные попытки закрытия его любимого детища Московского юридического общества³, процесс над участниками «выборгского воззвания», трехмесячное заключение в Таганской тюрьме, попытка получения у него как профессора Московского университета расписки о неучастии в политических партиях в 1908 г.⁴ и многие иные эпизоды.

Относится это, как мы отмечали выше, и к периоду его работы в качестве профессора, заведующего кафедрой и проректора в Московском университете. Однако изучение повседневной жизни пореформенной России показывало, что даже представителям либеральной профессуры приходилось принимать участие в деятельности, которую в рамках традиционного понимания сути либерализма не принято относить к либеральной общественно-политической практике как таковой. Применительно к последней трети XIX в. к данной предметной сфере относили постепенное сворачивание правительством ранее предоставленных университетам и университетским корпорациям академических прав и свобод. Университетское сообщество при всей ограниченности возможностей выражения протеста (находящихся в правовом поле) выступало, естественно, против данной политики. Так, в январе 1877 г. преподавательский коллектив Московского университета, равно как и студенты университета, осудили деятельность профессора Н.А. Любимова, который вошел в министерскую комиссию по пересмотру университетского устава. В числе тех, кто подписал коллективное заявление по поводу действий Н.А. Любимова, был и С.А. Муромцев⁵.

Позднее уже в качестве проректора С.А. Муромцев не только пытался отговорить студентов от запрещенной сходки, но впоследствии отказался составлять списки участников этих событий, поставив под угрозу свою служебную карьеру. Впрочем, попытка убрать его из университета тогда не удалась. Проведенное расследование показало, что С.А. Муромцев в качестве

должностного лица действовал в рамках служебных полномочий и предпринял исчерпывающие меры к прекращению студенческих волнений. Его последующее увольнение стало результатом иных событий, использованных министром народного просвещения И.Д. Деляновым для устранения С.А. Муромцева из университета⁶.

Однако наряду с вышеозначенными фактами мы встречаем в протоколах заседаний Ученого совета Московского университета свидетельства участия С.А. Муромцева в разработке новой редакции Правил⁷ для студентов университета, имманентно предполагающих повышение уровня регламентации контроля за ними со стороны административных структур различных уровней. Более того, на заседании Ученого совета Университета от 3 (16) февраля 1881 г. ординарный профессор С.А. Муромцев докладывает результаты работы комиссии в качестве ее председателя⁸.

Для понимания ситуации, в которой происходил пересмотр правил для студентов, помимо учета общего состояния социально-политической обстановки в стране, необходимо принимать в расчет и положение дел в Императорском Московском университете и в Московском учебном округе, где на момент рассматриваемых событий происходило и утверждение ректора⁹, и смена попечителя округа¹⁰, а также не был избран проректор¹¹, отвечающий за работу со студентами, не было

² См.: Аронов Д.В. Власть и общество в России: поиск компромисса — утопия или реальность (Муромцев С.А. Записка о политическом состоянии России весной 1880 года) // Современное общество и право. 2013. № 2 (11). С. 3–7.

³ См.: Аронов Д.В., Коновалова М.А. Московское юридическое общество в репрессивной политико-правовой практике Министерства народного просвещения: 1889–1892–1899 гг. — от предупреждения к закрытию // История государства и права. 2015. № 14. С. 32–37.

⁴ См.: Аронов Д.В., Бардин П.В. «Нам умных не надобно, нам верные нужны»: Конфиденциальное предложение Министерства об отобрании расписок от Муромцева, Шершеневича, Кокошкина, Котляревского и Новгородцева, как лиц замешанных по т.н. «выборгскому делу» и о засвидетельствовании ими неучастия в противоправительственных партиях // История государства и права. 2015. № 21. С. 27–32.

⁵ См.: Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа. 1891–1896). Оп. 2. Т. 2. Д. 3789 («Переписка с Министерством народного просвещения и Московским университетом по поводу коллективного заявления профессоров и преподавателей университета, осуждающих деятельность профессора Любимова по участию его в комиссии по пересмотру университетского устава, а также и о демонстрации против Любимова со стороны студентов») // Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГАМ).

⁶ См.: В. 575 (Муромцев С.А.). Оп. 1 (1866–1910 гг.). Д. 5 (Отношение окружного инспектора Вейнберга — ректору Московского университета об увольнении профессора Муромцева С.А. ввиду его политической неблагонадежности). Л. 1 // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ).

⁷ См., например: Правила императорского Московского университета. М., 1870. 49 с.

⁸ Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1877 г. П. 6 // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 12 об.

⁹ Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1877 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 9 об.

¹⁰ Ввиду отсутствия Попечителя Московского учебного округа особые права, вплоть до назначения Попечителя, были возложены на ректора Московского университета / Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1877 г. П. 6 // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 10 об.

¹¹ Проректор не был избран на заседании 3 (16) февраля 1881 г., так как предложение о выборах проректора сначала записками, потом двухстепенным голосованием закрытой баллотировкой, а потом по кандидатурам, набравшим наибольшее количество голосов, не устроило ни одного из кандидатов в проректора (С.А. Муромцев, В.А. Легонин, В.Я. Цингер, Н.В. Бугаев, И.Ф. Клейн, М.М. Троицкий, Н.А. Попов), которые в полном составе отказались «подвергнуться закрытой баллотировке». Было принято решение избрать проректора 5 (18) февраля 1881 г. закрытой баллотировкой из кандидатур всех ординарных профессоров // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 12. В итоге проректором был избран С.А. Муромцев, получивший в закрытой баллотировке 24 шара «за» и 14 — «против». Данное решение было одобрено Министерством народного просвещения 17 февраля 1881 г. // ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 6 (Копия формулярного списка о службе сверхштатного экстра-

в университете и инспектора по данному направлению. Весьма любопытно заключение, сделанное по данному вопросу Советом Московского университета. В нем констатируется, что Инструкции по работе со студентами нет, особых полномочий нет, проректора нет, соответственно, «ответственность за деятельность ни на ком не лежит»¹².

В этой сложной ситуации с крайне непростой верификацией ее последующего развития Муромцев не только не пытался отстраниться от участия в совершенствовании административных процедур управления университетской жизнью, но более чем активно принимает в ней участие. В постраничные ссылки мы вынесли краткую информацию о ситуации с избранием проректора Московского университета, которому после событий 1 марта 1881 г. придется принять на себя весь импульс социальной энергии, выплеснутой студенческой средой в связи с событиями этого дня, судя по всему, ставшему началом периода (точкой?) бифуркации в истории России. Однако помимо руководства комиссией по разработке изменений в Правила для студентов Московского университета Сергей Андреевич Муромцев принимает на себя по поручению Совета университета на том же заседании 5 (18) февраля 1881 г., где он был избран проректором, еще и обязанности старшего в комиссии («принять старшинство») ¹³ по разработке положения о студенческих товариществах. Интересно то, что выработанный в течение месяца проект обсуждался уже 7 (20) марта 1881 г. при наличии особого мнения у ряда членов комиссии¹⁴.

Возвращаясь к участию С.А. Муромцева в разработке новой редакции Правил для студентов университета, следует отметить, что в общей сложности изменения внесли более чем в 20 параграфов Правил. В основном они касались уточнения содержавшихся в них норм. Это относится прежде всего к таким параграфам, как § 111 (порядок получения студенческих билетов); § 115 (отсылка к специальному положению о подаче петиций); § 124 устанавливал ношение студентами общегражданского платья, за исключением запрещенных знаков; § 125 предполагал посещение студентами университета, имея при себе студенческий билет, который запрещалось передавать другим лицам¹⁵.

Вместе с тем в ряде случаев мы встречаемся с ситуацией, когда, несмотря на общую тенденцию усиления охранительных начал в университетской политике государства, членам комиссии удалось внести в проект

редакции новых правил положения, как нам представляется, расширяющие академические права и свободы студенчества и университетской корпорации в целом. Полагаем, что это относится, в частности, к § 119 как Правил, так и Устава Университета. Так, § 119 Устава университета предполагал: «Университетам предоставляется с разрешения министра народного просвещения учреждать для усовершенствования совокупными усилиями какой-либо определенной части наук и для совещания о способах к возвышению их уровня в университетах, ученые общества...». Утверждались соответствующие общества Министром народного просвещения (§ 120)¹⁶. Предлагаемая редакция Правил также в § 119 предполагала, что «особые студенческие учреждения, как-то: библиотеки, читальни, вспомогательные или ссудные кассы и т.п., допускаются с веденія Университета не иначе как надлежащим разъяснением университетского и по правилам на сей предмет установленным»¹⁷.

Регламентации сходных отношений был посвящен и § 114 проекта Правил, в котором предполагалось, что «студентам дозволяется устраивать товарищества с целями и в порядке, который определяется особыми правилами». Менялся Правилами и порядок увольнения студентов из университета. В § 166 вносилась фраза о том, что «студент приговаривается к увольнению или исключению из университета не иначе как по решению правления или университетского суда (§ 58), утверждаемого Советом университета и Инспектором». Уточнялся перечень оснований (§ 167) для исключения студентов в связи с вносимыми в Правила изменениями¹⁸.

Этот небольшой сравнительный анализ, как нам представляется, позволяет показать, что в предложенной комиссией редакции Правил нормы Устава находили явно расширенное толкование. Вместе с тем ряд пунктов новой редакции Правил действительно может вызвать вопросы о степени либерализма взглядов их авторов. Речь, конечно же, не идет, например, о § 121, посвященном «вечному» вопросу студенческой жизни. Согласно ему «Исправное посещение лекций составляет существенную обязанность каждого студента», на-верное, в этот же ряд можно поставить § 118, согласно которому «курение в университете воспрещалось, кроме мест, особо для того указанных»¹⁹. Данные требования в чьих-то глазах, конечно, могут выглядеть не либеральными. Однако в данном случае мы говорим скорее об определенной общей тенденции в предлагаемых в Правила изменениях, которые отразили две тенденции во внутренней политике России той, как, впрочем, и еще целого ряда эпох, связанных с выбором стратегии борьбы с социальными кризисами, усилением

ординарного профессора Московского университета статского советника С.А. Муромцева).

¹² Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 11 об.

¹³ В состав комиссии вошли С.А. Муромцев, Н.А. Попов, В.И. Герье, А.И. Чупров, А.Ю. Давыдов, Н.В. Бугаев, Н.В. Склифосовский, Д.Н. Зернов // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 25 об.

¹⁴ Протокол заседания Совета Московского университета от 7 марта 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 34–34 об, 37.

¹⁵ Протокол заседания Совета Московского университета от 7 марта 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 12 об, 15, 16.

¹⁶ Университетский устав от 18 июня 1863 г. URL: <https://letopis.msu.ru/yeard/1863> (дата обращения: 22.10.2018).

¹⁷ Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 15 об.

¹⁸ Протокол заседания Совета Московского университета от 7 марта 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 17 об–18.

¹⁹ Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 15 об–16.

административных и иных репрессий, либо же поиском способов сотрудничества между властью и социально активными слоями населения страны. И если в то время в России в целом шло известное усиление репрессивных элементов внутренней политики, то либеральная часть московской профессуры на своем месте пыталась действовать в ином направлении.

Вместе с тем в Правилах есть ряд пунктов, прописывающих процедуру взаимодействия Университета и силовых структур в сфере контроля за студентами. В основном речь идет не о самом Университете, а о каникулярном периоде, времени нахождения студентов за пределами Москвы.

Порядок проживания студентов на съемных квартирах, порядок их смены и прописки в органах полиции определял § 126: «никто из студентов не может проживать на квартирах иначе как по билету на проживание, выданному проректором или инспектором», а § 127 определял систему учета мест проживания студентов в органах университетского управления²⁰.

В § 128, 129 устанавливался порядок предоставления студентам отпусков в учебное и внеучебное время, выдачи специального билета на пребывание в другой местности, а также обязанность студента при подаче прошения об отпуске прикладывать к нему документ на право проживания в Москве, свидетельство из полиции об отсутствии препятствий к его выезду в соответствующую местность, а также свидетельство библиотеки и соответствующих учебно-вспомогательных подразделений университета об отсутствии задолженности перед ними²¹. Параграф 131 подробно прописывал процедуру легализации ситуации, когда студент в силу болезни, чрезвычайных семейных или имущественных обстоятельств не имел возможности вернуться к окончанию отпуска в Москву. В случае болезни на отпускном билете удостоверяющие надписи о сроках делали лечащий врач и местная полиция. В иных случаях продление пребывания по месту отпуска удостоверялось органами полиции. Университетское начальство в обязательном порядке должно было уведомляться о причинах отсутствия студента в Университете, если задержка превышала месячный срок. В случае отсутствия соответствующего уведомления после четырехмесячного непоявления в Университете студент подлежал отчислению²².

Однако данные параграфы не более чем конкретизируют § 103 университетского Устава, в котором говорилось о том, что «вне зданий и учреждений университета студенты подлежат полицейским установлениям на общем основании»²³. Соответственно, проект Правил в этой части устанавливал регламент действий студентов, облегчая, по большому счету, их

положение в случае возникновения к ним претензий со стороны полиции.

Небесспорен и § 116, предполагавший, что «по требованию Проректора (инспектора) или его помощника студенты обязаны разойтись из зданий Университета, хотя бы даже собрались там для слушания лекций и других дозволенных целей»²⁴. Здесь присутствует наделение университетского руководства правами, которые трудно совместить с понятием академических свобод. Однако ситуация в стране вряд ли оставляла авторам правил иную альтернативу. За исключением, естественно, вменения соответствующих полномочий внеуниверситетским структурам, что в российских условиях означало силовые органы. Вряд ли подобное решение было бы целесообразным, поэтому выбор, судя по всему, делался в пользу меньшего из зол.

В этом же контексте надо рассматривать и изменения, предлагаемые в новый § 171, определявший порядок наказания студентов в связи с их участием в запрещенных сходках. Симптоматично, что в проекте нет попытки установить жесткую привязку данного правонарушения с определенным видом наказания. Полагаем, что квинтэссенцией и этого параграфа Правил и самого²⁵ духа работы комиссия была фраза «смотря по обстоятельствам».

Было ли само участие С.А. Муромцева в работе комиссии по пересмотру Правил для студентов Университета отступлением от исповедуемых либеральных принципов? Полагаем, что нет. Для него как человека, твердо стоящего на принципах защиты и индивидуальной свободы, и принципах легитимности, законности, наиболее близким было сформулированное еще Б.Н. Чичериным определение охранительного либерализма. Будучи по своим взглядам на методiku социальных преобразований сторонником последовательных поступательных изменений, С.А. Муромцев, строго говоря, отрицал эффективность даже кардинальных реформ социально-политической системы социума. Он, впрочем, вполне резонно полагал, что даже подобные масштабные изменения вызывают социальные потрясения, хотя и не столь губительные для общества, как трансформации эпохи бунта или революции, но тем не менее не проходящие для него без негативных последствий. Полагаем, что в данной позиции одного из видных российских либералов находит свое выражение еще один сущностный признак либерализма, помимо общепризнанного приоритета прав человека и неприкосновенности частной собственности, а именно неприятие насильственных практик социального конструирования. Данный тезис, конечно же, не может быть безоговорочно распространен на всех, хотя бы только российских либералов, что нашло свое отражение, в частности, и в дискуссии «Российский либерализм: существует ли национальная модель», проходившей в рамках круглого стола в фонде «Либеральная миссия» в июне 2018 г.²⁶

²⁰ Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 16–16 об.

²¹ Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 16 об–17.

²² Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 17.

²³ Университетский Устав 18 июня 1863 г. URL: <https://letopis.msu.ru/yeard/1863> (дата обращения: 22.10.2018).

²⁴ Протокол заседания Совета Московского университета от 3 февраля 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 15 об.

²⁵ Протокол заседания Совета Московского университета от 7 марта 1881 г. // ЦГАМ Ф. 418. Оп. 249. Д. 68 (Журналы заседаний Императорского Московского университета 1881 г.). Л. 18 об.

²⁶ Российский либерализм: существует ли национальная модель : дискуссия в фонде «Либеральная миссия»,

Вместе с тем сам факт участия либерального ученого в административной деятельности университета не несет в себе ничего противоречащего его либеральным воззрениям. Собственно, своего рода крест, который несет любой приверженец охранительного либерализма, как раз и состоит в том, что он должен быть готов к обвинениям в отходе от некоего либерального идеала, полностью очищенного от скверны. Под ним его ревнители и обвинители сторонников иных оттенков либерального мировоззрения, как правило, понимают какой бы то ни было контакт или взаимодействие с государством в лице его органов общей или специальной компетенции. Подобная ситуация, как нам представляется, весьма близка к теоретическим подходам к гражданскому обществу, когда оно имманентно противопоставляется государству, рассматривается если и не его антиподом в сфере так называемой «реальной политики», то уж, по крайней мере, выступающим его идеологическим, этическим, сущностным, суть не в избранном понятии, антиподом. При этом забывается, что главная задача любого социального института состоит в оптимизации места и роли человека во всей многогранной совокупности социальных связей. Вряд ли существует необходимость подробно обосновывать тезис о нереальности исчезновения государства, которое

в самом оптимистическом варианте если и не сливается с гражданским обществом, то перманентно увеличивает количество каналов взаимодействия между ними.

В этой системе отношений охранительный либерализм как социальная теория, а также его адепты как раз и выступают как носители одного из вариантов взаимодействия либерала и государства, так и акторы разнообразных отношений в сфере их непосредственной реализации в рамках многочисленных социально-политических практик. Один из вариантов реализации данного вида отношений в условиях откровенно полицейского государства с господством указа над законом и показали представители либеральной профессуры последней трети XIX в., пронесшей свои идеалы сквозь годы Великих реформ и отхода от них через надежду на реализацию академических свобод и гонения на университетские корпорации. Однако, подобно К.Д. Кавелину, они смогли разделить личные потери и утраты с пониманием той роли, которую в российском социуме играет государство, выступающее неким Левиафаном, чьей силой была возможна реализация либеральной модели реформирования России. Но этот этап политической истории российского либерализма связан уже с событиями начала XX в., когда он перевел свои теоретические разработки на язык партийной программатики и парламентской законотворческой практики.

6 июня 2018 г. URL: <https://Rusliberal.ru> (дата обращения: 21.10.2018).

Литература

1. Аронов Д.В. Власть и общество в России: поиск компромисса — утопия или реальность (С.А. Муромцев «Записка о политическом состоянии России весной 1880 года») / Д.В. Аронов // Современное общество и право. 2013. № 2 (11). С. 3–7.
2. Аронов Д.В. Московское юридическое общество в репрессивной политико-правовой практике Министерства народного просвещения: 1889–1892–1899 гг. — от предупреждения к закрытию / Д.В. Аронов, М.А. Коновалова // История государства и права. 2015. № 14. С. 32–37.
3. Аронов Д.В. Нам умных не надобно, нам верные нужны: «Конфиденциальное предложение Министерства об отобрании расписок от Муромцева, Шершеневича, Кокошкина, Котляревского и Новгородцева, как лиц замешанных по т.н. «выборгскому делу» и о засвидетельствовании ими неучастия в противоправительственных партиях» / Д.В. Аронов, П.В. Бардин // История государства и права. 2015. № 21. С. 19–23.
4. Аронов Д.В. От Лазавки — до Таврического дворца: Сергей Андреевич Муромцев — политик, ученый, педагог / Д.В. Аронов. Орел : Александр Воробьев, 2010. 299 с.

ПОРТРЕТ ОБЩЕСТВЕННИКА-ДОБРОВОЛЬЦА ЭПОХИ МОДЕРНИЗАЦИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Сафонова Ольга Евгеньевна,
кандидат исторических наук
olgasafoнова81@yandex.ru

В статье делается попытка составить обобщенный портрет участника добровольного неполитического объединения конца XIX — начала XX в. в провинции. Отмечаются объективные и субъективные факторы, оказавшие влияние на формирование и эволюцию мировоззрения общественников-добровольцев, выделяются основные этапы развития организованной инициативы, анализируется литературный образ общественного деятеля эпохи модернизации. Показано, что движущей силой добровольческого движения в провинции была интеллигенция, сформированная из разных сословий.

Ключевые слова: добровольное объединение, интеллигенция, модернизация, общественный деятель, Рязанская губерния.

A Portrait of a Social Activist of the Modernization Epoch of the Late XIX to the Early XX Century in the Russian Outland (on the Example of the Ryazan Governorate)

Safonova Olga E.
Candidate of Historical Sciences

The article makes an attempt to compile a general portrait of a participant in the provincial voluntary non-political association in the late XIX — early XX centuries. The author describes the objective and subjective factors that influenced the formation and evolution of the ideology of volunteers, identifies the main periods of development of organized social initiative, analyzes the literary image of a public figure in the era of modernization. It is concluded that the driving force of the volunteer movement in the province was the intelligentsia, formed from different classes.

Keyword: voluntary association, intelligentsia, modernization, social activist, Ryazan province.

В конце XIX — начале XX в. Российская империя вступила в эпоху модернизации, которая в значительной степени изменила не только политический и экономический, но и общественный облик страны. Патерналистский характер взаимоотношений власти и общества претерпел трансформацию. Эти процессы происходили как в столице, так и в провинции, где стали интенсивно появляться неполитические общественные объединения — благотворительные, просветительные, культурные.

При изучении исторического опыта добровольных организаций закономерно появляются вопросы: кто же были их руководители и участники, каковы были объективные и субъективные причины их объединения в рамках обществ и главное — можно ли составить «усредненный портрет» общественника-добровольца дореволюционной России?

В развитии деятельности участников добровольных объединений можно выделить несколько этапов. Начало первого периода пришлось на 60–70-е годы XIX в. — время либеральных реформ, которые включали серьезную программу социально-политической модернизации: освобождение крестьян, преобразование системы юстиции и создание новой системы самоуправления.

Новый порядок, несмотря на многие сохранявшиеся пережитки прошлого, вызвал сопротивление со стороны части дворян-помещиков старой закалки, что было особенно заметно в провинции с ее традиционным

укладом жизни. Как позже вспоминал заставший это время выпускником Московского университета рязанский дворянин А.Н. Левашов: «...свилось крепкое гнездо противников освободительных реформ... которое ставило этим реформам и людям им преданным препятствия на каждом шагу, в каждой мелочи...»¹

Причем скептическое отношение к реформам порой проявляли даже весьма «прогрессивные» дворяне старшего поколения, отдавшие много сил и средств преобразованию окружающей социокультурной среды. В своей записке основатель известной рязанской династии меценатов П.Г. Фон Дервиз, высоко ценивший «частную инициативу» и новаторство в любом деле, с горечью отмечал: «...мы не будем исследовать ни того, в какой степени была необходима общая ломка, которая легла в основание реформ; ни того, хорошо ли было вообще, вместо старания развить наши собственные учреждения, историческим путем сложившиеся, пересадить к нам искаженные чужеземные порядки...»².

В противовес рязанским «грандам» молодое поколение дворян, многие из которых окончили столичные вузы и вернулись на малую родину, с энтузиазмом встретили эпоху перемен: «...подъем имелся небывалый. То была свежая утренняя заря чудного весеннего

¹ Левашов А.В. Из записок земца (1867–1900 гг.) // ТРУАК. 1900. Т. 15. Вып. 1. С. 22.

² Одна из предсмертных записок П.Г. Фон Дервиза (1878–1881 гг.) // Русская старина. 1885. № 6. С. 594–595.

дня»³. К этой «весенней поре» 60-х годов XIX в. относились первые попытки молодых активистов «вкусить общественную жизнь», например создание юридического кружка (адвокатского бюро) для оказания бесплатных консультационных услуг населению и семейного кружка, который был призван стать более утонченной альтернативой местному Благородному собранию и удовлетворять «интересы общественные, умственные и эстетические». В числе участников значились рязанцы, которые впоследствии стали известными общественными деятелями губернии, видными земцами, руководителями и членами многих добровольных объединений в области благотворительности, образования и науки — А.В. Левашов, Н.В. Растов, Н.И. Родзевич, А.Д. Повалишин и др. Несмотря на недолгое существование этих объединений, по мнению их организаторов, они были весьма полезны, так как «надо же на чем-нибудь учиться общественному делу»⁴.

Именно пореформенная эпоха становится временем появления в Рязанской губернии первых добровольных обществ различной целевой направленности, таких как Благотворительное общество Рязани (1864 г.), Рязанское общество сельского хозяйства (1866 г.), Общество рязанских врачей (1874 г.), Зарайское общество пособия бедным (1876 г.) и др. Нередко эти объединения имели полугосударственный, полуобщественный характер, т.е. учреждались при участии и поддержке административных органов или находились под покровительством членов императорской семьи.

Во главе многих из них стояли образованные представители местной дворянской знати. В отличие от реформаторских мечтаний молодежи дворяне «дореформенного» поколения рассматривали участие в добровольных объединениях как возможность восстановить частично утраченные в результате преобразований общественные позиции и упрочить свое влияние. Были в социокультурной деятельности привилегированного слоя и отголоски «народничества», столь популярного в этот период.

Кроме того, некоторые дворяне видели в подобной работе миссию своего сословия, считали, что в них заложен «инстинкт общественного долга». Известный общественный деятель губернии князь Д.Д. Дашков, участвовавший в молодости в столичных юридическом и педагогическом кружках, подчеркивал преимущества дворянского происхождения для руководства добровольческой деятельностью: нужно «оказывать больше уважения и доверия в общественных делах тем людям, которые в своих родителях уже могли видеть готовность служить общественным интересам и с детства прислушивались к обсуждению общественных вопросов»⁵. По его мнению, именно дворяне должны заниматься просвещением общества, «поднимать других до своего уровня» — таков «будущий аристократизм XX века». Поэтому, вернувшись в родную губернию, князь посвятил свою жизнь развитию образования и попечительной работе в этой сфере.

Столичный опыт общественной деятельности привез в провинцию и знаменитый славянофил, апологет крестьянской реформы 1861 г. А.И. Ко-

шелев, занимавший в 1861–1864 гг. пост президента Московского общества сельского хозяйства. В Рязанской губернии его внимание в основном было сосредоточено на земской работе, особенно в области народного образования и сельского хозяйства. В то же время большое значение Кошелев придавал идее сплочения и совместной деятельности граждан. Однако, на его взгляд, независимость общественных объединений была сильно стеснена правительством: «Имеются у нас разные исторические, археологические, литературные, сельскохозяйственные, технические и другие общества; число их немалое и перечень этих учреждений может утешить самого горячего общественника; но есть ли из них хотя бы одно общество действительно живое, то есть живущее собственной жизнью?»⁶. Именно в развитии самостоятельности общества Кошелев видел основу процветания страны и считал, что дворянство должно способствовать этому.

В пореформенную эпоху на общественную арену выходят и другие сословия. Купечество, традиционно равнявшееся на дворян и стремившееся стать с ними на одну ступень, «облагородить» свой статус, тоже стало проявлять интерес к общественной работе. Совместный опыт служения обществу способствовал сближению двух сословий, позволял купцам улучшить свою репутацию среди широких слоев населения. Но в то же время многие из них уже осознавали свою независимость и даже преимущества в новой социальной структуре государства, что, в свою очередь, накладывало на них определенную ответственность в общественном плане.

Руководствуясь этими идеями, рязанские купцы (Малашкины, Антоновы, Селивановы, Ярцевы, Шульгины и др.) стали постоянными участниками провинциальной организованной самодеятельности. Так, А.В. Антонов, вступивший на поприще общественной деятельности в 60-е годы XIX в., одно время «нес на себе до четырнадцати должностей» — являлся членом Рязанского общества сельского хозяйства, Общества дома трудолюбия, Рязанской ученой архивной комиссии и др.⁷

Следующий период общественного подъема пришелся на 80–90-е годы XIX в. — начало XX в. С одной стороны, катализатором развития добровольческого движения стали природные и социальные катастрофы рассматриваемого периода (голод, эпидемии, война с Японией). Масштабные потрясения привели к сплочению наиболее активных и ответственных представителей российского общества ради помощи нуждающимся, в том числе в рамках легальных неполитических организаций. А с другой стороны, объединению усилий волонтеров способствовала постепенная трансформация российского законодательства на рубеже XIX—XX вв. в области прав и свобод граждан, в частности свободы союзов⁸.

⁶ Кошелев А.И. Наше положение. — Berlin : Behr' Buchhandlung (E. Bock), 1875. С. 15.

⁷ Стратонитский К. Устройство и управление городов (Антоновы. Портреты) // Россия в ее прошлом и настоящем. М., 1913. С. 11.

⁸ Туманова А.С. Разработка законодательства об общественных организациях в Российской империи // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / под ред. А.С. Тумановой, В.Я. Гросула, А.Е. Иванова, И.С. Розенталя и др. М., 2011. С. 193–216.

³ Левашов А.В. Указ. соч. С. 2.

⁴ Там же. С. 11, 17–18.

⁵ Дашков Д.Д. Дворянство и народ // Деятельность Д.Д. Дашкова по народному образованию в рязанском земстве / под ред. кн. С.Н. Волконского. Рязань, 1903. С. 6.

Князь Н.С. Волконский, возглавлявший в губернии работу земских органов по ликвидации последствий неурожая 1891 г., так отзывался о помощи со стороны добровольцев: «Пережитое время оставит навсегда... воспоминание о таком подъеме духа, о таком проявлении общественной самодеятельности, какие у нас нечасто повторяются... Сколько было людей, добровольно принимавших на себя то или другое, иногда весьма не легкое поручение и выполнявших его безукоризненно»⁹.

Многие из тех, кто прежде по тем или иным причинам скептически относился к такого рода деятельности на благо общества, в этот период меняют свое мнение, осознают необходимость своего участия в общем деле. Один из наиболее известных примеров — Л.Н. Толстой, активно включившийся в помощь населению Тульской и Рязанской губерний во время голода 1891–1892 гг. Вместе с добровольцами, земцами и членами Общества Красного Креста семья писателя открывала столовые в наиболее пострадавших районах. Несмотря на долгие сомнения и противоречивое отношение к «разлагающей», по мнению писателя, практике выдачи пособий, Толстой приходит к неутешительному выводу, что «не помогать нельзя»¹⁰.

Вместе с тем даже участие в отдельных благотворительных акциях приводило граждан к пониманию того, что помощь отдельным категориям населения должна осуществляться на постоянной основе и объединенными силами — в рамках регулярно действующих добровольных организаций.

Преимущества коллективных действий добровольцев подтверждались и в ходе борьбы с эпидемиями конца XIX в. в губернии (холера, тиф), в которой участвовали члены Общества рязанских врачей¹¹. По словам президента объединения Ф.Ф. Милеева, его коллеги осознавали, что «сила в объединенной массе», а поэтому нужно поддерживать распространение добровольных обществ (в данном случае — медицинских), «как имеющие... значение подготовительных школ для развития между врачами, с одной стороны, стремления к единению, а с другой — сознания необходимости подчинять свои личные наклонности, во взаимных отношениях и в отношениях к публике, определенным нравственным правилам»¹².

Стоит также учесть, что многие провинциальные общественные деятели этого времени часто уже имели за плечами солидный опыт «самоуправленческой» земской службы, что, несомненно, помогало им в работе в качестве членов добровольных неполитических объединений. Но наряду с «шестидесятниками» появилось молодое поколение общественников, которое формировалось и действовало в условиях нового правительственного курса. «Нашему поколению пришлось воочию увидеть, как миновала героическая пора самодержавия; после «великих реформ» началась борьба самодержавия с обществом, и победа самодержавия сделалась началом его собственной гибели», —

писал позже один из их современников В.А. Маклаков¹³.

Однако, несмотря на трудности «эпохи реакции», именно на конец XIX — начало XX в. пришлось наибольшее количество возникновения неполитических объединений в провинции. В особом почете в силу объективных причин оказались разнообразные благотворительные и попечительные общества: пополнялись ряды их членов, росли пожертвования в их пользу, большая организационная помощь оказывалась со стороны местных органов власти. Так, при поддержке губернатора Н.С. Брянчанинова на территории губернии наряду с рязанским управлением были открыты уездные попечительства Общества Красного Креста, а молодые рязанки разных сословий начали активно вступать в ряды сестер милосердия. Множество попечительных объединений образовалось при учебных заведениях, увеличилось количество добровольных спасательных организаций и обществ в области социальной защиты. Важной составляющей научной жизни губернии стала работа Рязанской ученой архивной комиссии.

При этом некоторые из уже действовавших обществ расширили свою деятельность или актуализировали ее отдельные направления, переориентировались в соответствии с новыми общественными запросами и потребностями. По такому пути пошло, например, Общество рязанских врачей, члены которого по призыву Ф.Ф. Милеева приняли решение сосредоточиться на рассматривании «общественно-санитарных» вопросов и просвещении населения с помощью публичных лекций по медицине, а также увеличить количество участников объединения за счет медиков из уездов. Значительно вырос на рубеже столетий и состав Общества для пособия учащимся в народных училищах — за 4 года до 1000 человек. Благодаря инициативе князя Н.С. Волконского (председателя с 1900 г.) были облегчены условия вступления педагогов в действительные члены, а объединение распространило свою деятельность на территорию всей губернии и стало самой многочисленной по составу рязанской организацией. Подчеркивая значение данного общества, руководство отмечало: «Жизнь настоящего времени требует от людей больше энергии и активного участия, и чтобы идти с ней нога в ногу, учительской корпорации приходится отказаться от своей роли «молчаливика» и заняться своим гражданским воспитанием»¹⁴.

Немалое влияние на формирование мировоззрения рязанской интеллигенции оказывали приезжавшие в губернию с лекциями известные столичные общественные деятели и правоведы (граф Л.А. Камаровский, П.Н. Сакулин, И.И. Янжул и др.), а также сосланные сюда представители оппозиции. П.Н. Милюков, который два года ссылки провел в Рязанской губернии, тесно подружился с местными общественниками — Н.И. Родзевичем, А.В. Елагиним¹⁵. По воспоминаниям преподавателя Первой мужской

⁹ Обзор деятельности Рязанского земства по борьбе с последствиями неурожая 1891 г. М., 1894. С. 120.

¹⁰ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 29 (Произведения 1891–1894 гг.). М., 1954. С. 86–156.

¹¹ Протоколы и труды Общества рязанских врачей за 1891–1893 гг. Рязань, 1893. С. 17.

¹² Милеев Ф.Ф. О расширении деятельности Общества рязанских врачей. Рязань, 1898. С. 8.

¹³ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника) : в 4 вып. Вып. 1. Отдел 1. Т. 1. Париж, 1936. С. 12.

¹⁴ Обзор деятельности Общества для пособия учащимся в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования (1882–1912 гг.). Рязань, 1915. С. 188.

¹⁵ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 184–185.

гимназии Рязани А.А. Грунау — одного из участников «кружка, так быстро и хорошо сплоченного» П.Н. Милюковым, «Я думал, что то оживление общественной жизни, которое замечалось в Рязани в последние годы, было чем-то неизбежным, почти органически назревшим...»¹⁶.

Отдельно стоит отметить интенсивные изменения в стратификационной структуре российского общества на рубеже XIX–XX вв.: разорение дворянских гнезд и обуржуазивание дворян; усиление социальной мобильности для всех слоев населения; общий процесс «взаимопроникновения» сословий и, как следствие, их размывания. Данные тенденции нашли отражение в постепенной демократизации состава руководителей и участников провинциальных добровольных объединений (за счет мещан, крестьян, разночинцев), уходе от сословного принципа корпоративности и росте количества внесословных общественных организаций. Это также способствовало распространению на территории Рязанской губернии в конце XIX в. нового типа неполитических объединений — обществ профессиональной взаимопомощи.

Следующий этап в развитии организованной инициативы начался после опубликования «Манифеста» 17 октября 1905 г. и введения «Временных правил об обществах и союзах» 4 марта 1906 г.¹⁷, создавших новую правовую базу неполитических организаций и упростивших процедуру их открытия. С этого момента работа общественников-добровольцев шла параллельно с деятельностью политических партий и Государственной думы. Некоторые из членов социокультурных обществ тоже не остались в стороне от парламентской и революционной борьбы, пополнив ряды рязанских политических организаций.

Общественный подъем начала XX в. дал новый импульс объединению рязанцев в рамках неполитических обществ. В этот период наметилась тенденция к сужению функциональной направленности объединений, произошло смещение фокуса внимания общественников на вопросы просвещения и организации досуга, закрепился внесословный характер взаимодействия в рамках добровольных обществ, во многих случаях уменьшилась опора последних на административный ресурс при учреждении.

Широкое распространение на территории Рязанской губернии получили творческие объединения — литературно-художественные и музыкальные кружки. Это время стало также периодом расцвета для сельскохозяйственных обществ губернии. Значительно обновилась сеть благотворительных и попечительных организаций, обществ трудовой помощи, профессиональных объединений. В то же время многие общества, созданные в конце XIX в., постепенно теряли участников и прекращали свою деятельность. Иногда добровольцы создавали новые объединения на базе закрывшихся: Рязанское медицинское общество вместо Общества рязанских врачей, Рязанское спортивное общество вместо кружка велосипедистов и др.

Стоит отметить, что и сама власть (в центре и на местах) к этому времени уже оценила преимущества и полезность опоры на общественные силы в решении многих социальных вопросов. Подтверждением этому в числе прочего служил накопленный опыт сотрудничества с добровольными обществами, круг участников которых, особенно в провинции, был довольно ограничен и поэтому хорошо знаком административным органам. Кроме того, такая общественная деятельность представлялась чиновникам вполне конструктивной и поддающейся контролю в отличие от разрушительных идей и действий революционно настроенной общественности.

Тезис о необходимости сотрудничества правительства и общества начали отстаивать не только политики либеральных взглядов, как, например, Д.Н. Шипов, убеждавший, что «власть должна стремиться к созданию и развитию тесного единения с населением, быть всегда осведомленной о его нуждах и всеми силами содействовать развитию личной и общественной самостоятельности»¹⁸. Но даже некоторые государственные деятели из числа монархистов увидели в этом приемлемую альтернативу общественно-политического развития страны. Так, А.В. Кривошеин — человек, в значительной степени определявший политику России в последний период существования империи, в своем нашедшем выступлении в Киеве озвучил решение основной проблемы эпохи: «...отечество наше лишь в том случае может достигнуть благоденствия, если не будет больше пагубное разделение на «мы и они»...»¹⁹ Однако, как показала история, этому общественному компромиссу не суждено было осуществиться в полной мере.

Сословная принадлежность участников провинциальных добровольных неполитических объединений во многом зависела от типа объединения. В составе благотворительных и попечительных обществ преобладали дворяне, купцы и духовенство — сословия, располагавшие ресурсами для оказания помощи и считавшие такую деятельность своей моральной обязанностью. Среди них — князь Н.С. Волконский, Л.М. Муромцев, Н.И. Родзевич, А.В. Елагин, Н.В. Шульгин, В.М. Селиванов, М.Н. Бардыгин и др.²⁰

Следует отметить, что участие в добровольных объединениях порой было общественной «нагрузкой» к занимаемой высокой должности. Поэтому многие представители местных органов власти входили в состав руководства или являлись почетными членами обществ в сфере благотворительности, образования и социальной защиты. Почетной обязанностью для губернской администрации было также членство в привилегированных организациях, находившихся под покровительством императорской семьи.

Высшие слои провинциального общества являлись членами элитных объединений — конного бега, охотничьих и др. Членство в подобных организациях подразумевало определенный образ жизни, уровень

¹⁶ Письма П.Н. и А.С. Милюковым от рязанских знакомых в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Археографический ежегодник за 2012 год / отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2016. С. 384.

¹⁷ Закон 4 марта о союзах и обществах с последующими к нему разъяснениями Правительствующего Сената и Министерства внутренних дел. СПб., 1906.

¹⁸ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 145.

¹⁹ Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 138.

²⁰ См., например: Календарь Рязанской губернии на 1887 г. / под ред. А.В. Селиванова, Н.К. Фроста. Рязань, 1887. С. 1–80; Календарь Рязанской губернии за 1905 г. / сост. И.И. Проходцов. Рязань, 1906. С. 164–332.

благополучия и возможность платить немалый взнос. Здесь встречались представители известных рязанских дворянских и купеческих родов, местная буржуазия, банкиры, высокопоставленные чиновники и др.²¹

Дворяне-землевладельцы и купцы в большинстве случаев выступали в качестве учредителей и руководителей обществ сельского хозяйства, имевших своей целью распространение знаний в области земледелия и животноводства. Одно из них возглавил будущий министр народного просвещения Временного правительства С.С. Салазкин, который занимался активной пропагандой данного типа объединений (наряду с кооперативными) и указывал на их ключевую роль в культурном просвещении народа²². Во многом благодаря просветительской деятельности и совместным усилиям добровольцев и земцев в области сельскохозяйственной кооперации уровень развития агрономии Рязанского края и обеспеченность отрасли квалифицированными кадрами в начале XX в. были выше, чем во многих других губерниях Европейской России²³.

Достаточно разнообразным был состав досуговых объединений (общества развлечений, спортивные объединения) и общественных собраний. Последние в начале XX столетия все чаще приобретали всесословный характер, заменяя собой сословные объединения XIX века (дворянские, купеческие). Значительную часть участников данных типов обществ составляли мещане, крестьяне, торговые служащие и рабочие²⁴.

Научные и творческие общества объединяли в своем составе преимущественно представителей интеллигенции как в руководстве, так и среди основной массы участников. Однако если в первом случае абсолютное большинство членов составляли профессионалы (например, в Рязанском медицинском обществе и Общественно-педагогическом кружке), то во втором — любители. Один из организаторов Литературно-художественного кружка Рязани В.И. Мордвинов (юрист по образованию) в своих воспоминаниях отмечал, что в программах публичных выступлений фамилии артистов в большинстве случаев заменялись «звездочками», так как многие из членов объединения занимали должности в окружном суде и других государственных учреждениях²⁵.

Особая роль в развитии провинциальной общественной жизни принадлежала представительницам прекрасного пола. В эпоху эмансипации они не просто стали активными участницами большинства добровольных неполитических объединений, но и начали создавать свои исключительно женские организации, такие как Дамский благотворительный кружок, Рязанское Общество взаимопомощи женщин и др.

²¹ См., например: Отчет о деятельности Рязанского общества поощрения рысистого коннозаводства за 1903–1904 гг. Рязань, 1904. С. 35–37 // ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3931. Л. 41.

²² Салазкин С.С. Основания и формы взаимоотношений земства и кооперативов (доклад) // Первое Рязанское губернское кооперативное совещание. Рязань, 1915. С. 1–6.

²³ Тарабрин Е.Г. Рязанское земство и Первая мировая война // Вестник РГУ им. С.А. Есенина. 2010. № 1 (26). С. 47.

²⁴ См., например: ГАРО. Ф. 4. Оп. 873. Д. 5. Л. 12; Ф. 5. Оп. 3. Д. 3966. Л. 14–18; Рязанская жизнь. 1912. 11 августа. С. 3.

²⁵ Мордвинов В.И. Музыка в Рязани (1908–1914). Рязань, 2003. С. 9.

Среди известных общественных деятелей губернии стоит выделить: Е.Н. Муромцеву, П.С. Шеншину, А.С. Шеншину, В.П. Екимецкую, Н.А. Ширинкину, О.Н. Климову, Е.Л. Ржевскую, Н.А. Баранову, Ю.В. Розанову, Е.А. Шемарину и др.

Важно подчеркнуть и тот факт, что общественная самодеятельность в провинции зачастую была делом «семейным». В ней участвовали супруги, как, например, губернский предводитель дворянства Л. М. Муромцев и Е.Н. Муромцева, состоявшие во множестве добровольных объединений. Часто традиция служения обществу передавалась по наследству от родителей детям, как это было в случае с егорьевским городским головой Н. М. Бардыгиным и его сыном М.Н. Бардыгиным, которые долгие годы оказывали поддержку Егорьевскому обществу пособия бедным. А вот купеческий род Антоновых дал Рязани сразу три поколения известных общественных деятелей — Василия Егоровича, Александра Васильевича и Ивана Александровича, каждый из которых помимо масштабной благотворительной и социокультурной деятельности в свое время занимал пост городского головы. Среди участников добровольных объединений можно также выделить: отца и дочь П.Н. и В.П. Екимецких, братьев Н.В., В.В., Г.В. Шульгиных, братьев А.А. и Н.А. Худзинских, С.С., А.С. и П.С. Шеншиных и др. Причем в общественную работу вовлекались не только близкие родственники, но и представители «ветвей» одного рода, что подтверждает одинаковые фамилии в списках членов различных объединений.

Кроме того, анализ состава провинциальных объединений показывает, что некоторые рязанцы одновременно (или в разные периоды) являлись участниками сразу нескольких обществ. Так, дворянин А.В. Елагин, представитель купечества С.А. Сливков, действительный статский советник Н.С. Китлов, городской голова Н.И. Родзевич, коллежский регистратор А.А. Худзинский, врач Д.П. Балашов состояли как минимум в четырех объединениях разной целевой направленности. Это говорит об относительно ограниченной социальной базе добровольцев в провинции и наличии определенного инициативного ядра в рязанском социуме, поставившего ресурсы для неполитических обществ губернии.

Что касается политических взглядов рязанских общественных деятелей-добровольцев, то с наибольшей ясностью они обозначились в начале XX в. И хотя в большинстве случаев члены добровольных объединений проявляли нейтралитет и лояльность, в условиях чрезвычайной политизации общества некоторые из них все-таки примкнули к тому или иному политическому лагерю.

Наиболее близкой по содержанию к деятельности активистов в рамках добровольных объединений была либеральная идеология с ее относительной умеренностью и ориентацией на гражданские ценности. Поэтому многие из добровольцев стали участниками или «сочувствующими» партии кадетов (А.В. Елагин, С.С. Салазкин, В.П. Екимецкая, К.Л. Ширинкин, А.Н. Ярцев, Н.В. Ростов, Н.С. Китлов и др.) и октябристов (Н.С. Волконский, Н.И. Родзевич, В.Ф. Эман, И.А. Антонов и др.)²⁶. Некоторые рязанские либералы были избраны в Государственную

²⁶ См.: Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 6. Хвостов А.И. Деятельность политических

думу (Н.С. Волконский, Н.И. Родзевич, Н.В. Растов, М.Н. Бардыгин).

Однако встречались и монархисты, как, например, рязанский купец А.К. Москвин, зарайский городской голова Н.И. Ярцев (позже присоединился к октябристам) и др.

В то же время сведений о наличии прямых связей добровольных объединений губернии с нелегальными революционными группами почти не выявлено. Участники неполитических объединений редко радикализировались, предпочитая преимущественно мирные и легальные методы общественного переустройства. Правда, некоторые из рязанских общественников имели родственников-революционеров, как, например, это произошло в семьях Селивановых, Малашкиных, Шульгиных. В последнем случае к социал-демократической пропаганде были привлечены дети и брат известного общественного деятеля Н.В. Шульгина, а сам он под влиянием родных был вынужден оказывать материальную поддержку социалистам²⁷.

Кроме того, нередко нелегальные революционные организации пытались использовать заведения добровольных общественных объединений для ведения пропаганды — народные дома, клубы, библиотеки обществ и т.д. Самым громким делом в связи с этим было разоблачение нелегальной деятельности эсеров в клубе Общества приказчиков в 1908 г., в котором нашли запрещенную литературу²⁸. Итогом стал арест заведующего библиотекой И.И. Слободского, а чуть позже — закрытие рязанского добровольного общества по политическим мотивам.

Еще одной важной гранью характеристики добровольцев является литературная проекция их образа, которая, в свою очередь, оказывала влияние на формирование представления о них в обществе. Примечательно, что в отечественной художественной литературе и публицистике второй половины XIX — начала XX в. образ общественного деятеля (в том числе провинциального) выглядит неоднозначно. Российские писатели, несмотря на разницу мировоззрений и политико-идеологических взглядов, в своих произведениях зачастую относились к таковым с иронией или сарказмом, а иногда и с осуждением. При этом многие из них сами являлись участниками общественных объединений (И.С. Тургенев — член Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, А.П. Чехов — один из организаторов спортивного общества «Сокол», А.Н. Островский — председатель Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, М. Горький и И.А. Бунин — члены московского литературного кружка «Среда», Ф.М. Достоевский — член Общества любителей русской словесности), а значит, не были только сторонними наблюдателями.

Тема добровольных обществ не раз появляется в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского (1873–1881 гг.). Однако в большинстве случаев автор подходит к данному вопросу весьма критично, акцентируя внимание на нелицеприятных фактах из истории обществ, хотя в целом соглашается с ценностью их просветительской работы. Например, по мнению Достоевского,

партий в Рязанской губернии (конец XIX в. — 1917 г.). Рязань, 2004.

²⁷ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI — начала XX в. Рязань, 1996. С. 89.

²⁸ ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 559. Л. 7–8; Д. 568. Л. 4.

«деликатная взаимность вранья есть почти первое условие русского общества — всех русских собраний, вечеров, клубов, ученых обществ и проч.»²⁹. Признавая полезность существования Общества покровительства животным для нравственного развития населения, писатель вносит предложение «действовать не все с конца, а хоть отчасти бы и с начала»³⁰. На его взгляд, необходимо обратить внимание на решение более важных проблем — искоренение человеческих недостатков, стремление к балансу «сил» в обществе и установление относительного социального равноправия. В таком подходе, вероятно, содержится намек Достоевского на легковесность и вторичность целей объединения.

В романе И.С. Тургенева «Новь» (1877 г.) для супругов Сипягиных общественная деятельность является своеобразной «либеральной ширмой», скрывающей консервативное мировоззрение. Именно для того, чтобы создать соответствующую репутацию себе и мужу, высокопоставленному чиновнику, и способствовать дальнейшему продвижению его по карьерной лестнице, Валентина Михайловна Сипягина «покровительствовала всем искусствам, давала музыкальные вечера и устраивала дешевые кухни»³¹. Скептическое отношение к общественникам-добровольцам просматривается и в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого (1878 г.), прежде всего в размышлениях Константина Левина. Дворянин-консерватор с недоверием настроен ко всем новым веяниям — общественным учреждениям и к земству в частности. В разговоре со старым помещиком во время губернских выборов Левин соглашается с его мнением о бессмысленности участия дворян в такой деятельности: «сословный инстинкт» дворянства — это служение на благо общества в «своем углу», ближе к земле³². Позицию Левина в одной из сцен неожиданно, в пылу спора, поддерживает и заглавная героиня романа: «Я боюсь, что в последнее время у нас слишком много этих общественных обязанностей. Как прежде чиновников было так много, что для всякого дела нужен был чиновник, так теперь все общественные деятели. Алексей теперь здесь шесть месяцев, и он уж член, кажется, пяти или шести разных общественных учреждений... И я боюсь, что при таком множестве этих дел это только форма»³³. А в более позднем произведении классика — комедии «Плоды просвещения» (1890 г.) принадлежность к добровольным обществам (велосипедистов, конных скачек и т.д.) молодых дворян Звездинцева и Петрищева является дополнительной характеристикой праздного образа жизни и причиной значительных пустых трат: «Право, удивительно. То говорят мне, отчего я ничем не занят, а вот когда я нашел деятельность и занят, основалось общество серьезное, с благородными целями, тогда жалко каких-нибудь триста рублей!..»³⁴

А.Н. Островский тоже коснулся темы добровольной инициативы. Так, в пьесе «Дикарка» образ

²⁹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя / сост. В.Н. Бунин. СПб., 1999. С. 99.

³⁰ Там же. С. 136.

³¹ Тургенев И.С. Дым. Новь. Вешние воды. Стихотворения в прозе. М., 1981. С. 391.

³² Толстой Л.Н. Анна Каренина // Собрание сочинений : в 12 т. Т. 8. С. 247.

³³ Там же. С. 221.

³⁴ Толстой Л.Н. Плоды просвещения // Собрание сочинений : в 12 т. Т. 12. С. 123.

либерального преобразователя связан с Виктором Вершинским — несостоявшимся женихом главной героини Веры Зубаревой. Несмотря на то, что деятельность столичного общественника производит большое впечатление на местных жителей, он так и не смог заслужить симпатии со стороны девушки. Последняя предстает в комедии как человек, обладающий непосредственностью, детской остротой восприятия и способностью чувствовать неискренность. Вершинский же выглядит в глазах героини (и читателей) излишне рассудочным, заносчивым и скучным человеком, презирающим традиции и далеким от народа. Хотя он не претендует на звание злодея, положительным персонажем он также явно не является — его образ безжизненный и отталкивающе холодный.

Сатирически изображены в рассказе А.П. Чехова «Маска» (1884 г.) посетители благотворительного бала в общественном собрании. Сначала присутствующие здесь «интеллигенты» негодуют от безобразного поведения неизвестного в маске, а затем пасуют перед ним, узнав в буяне «местного миллионера, фабриканта, потомственного почетного гражданина Пятигорова, известного своими скандалами, благотворительностью и, как не раз говорилось в местном вестнике, — любовью к просвещению». История заканчивается парадоксальной фразой старшины клуба о Пятигорове: «Негодяй, подлый человек, но ведь — благодетель!»³⁵

В пронзительном рассказе И.А. Бунина «Вести с родины» (1893 г.) студент-агроном Дмитрий Волков, член сельскохозяйственного общества, на заседании которого большинство присутствующих откровенно скучают, к концу повествования приходит к выводу о бесполезности своей работы для общественного (народного) блага. «Какая галиматья!» — так в сердцах он называет свои научные изыскания, когда узнает, что его друг детства крестьянин Миша Колесов умер от голода в родной деревне³⁶. А в рассказе «Без роду-племени» (1897 г.) молодой человек Сергей Ветвицкий из семьи обедневших дворян «с кривой улыбкой» пишет в центральную газету об общественной жизни провинциального города (народной столовой, сельскохозяйственном обществе, кружке разумных развлечений и т.д.), чем создает впечатление о безрадостном, показном и пустом времяпрепровождении местной публики³⁷.

Тему самодеятельности интеллигенции в провинции затрагивает М. Горький в пьесе «Дачники» (1904 г.). Однако и здесь в описании активистов заметна отрицательная коннотация. Согласно сюжету обитатели летних дач хотят поставить спектакль для

местных жителей, но оказываются неспособными довести задуманное до конца. Да и сами зрители относятся к этой идее без особого интереса, считают прихотью приезжих «просветителей». В итоге публика так и не дожидается представления, а инициативная группа предстает абсолютно безвольной, безыдейной и разобщенной массой, противопоставляясь «новому человеку» Власу.

Как видно, литературный образ общественника-добровольца в большинстве случаев выглядел весьма бледным и малопривлекательным, что было вполне объяснимо в контексте социально-политического радикализма эпохи. Однако вопреки предвзятости авторов почти все описанные персонажи были объединены общими чертами — образованностью и инициативностью, которые в полной мере соответствовали истинному облику добровольцев.

Необходимо учитывать и тот факт, что в целом состав добровольческого движения был весьма неоднороден — здесь встречались люди разных сословий и профессий, возраста и пола, материального положения и политических взглядов, что, разумеется, оказывало влияние на их мотивы и цели. Однако каковы бы ни были побуждения общественников-добровольцев — были ли это соображения престижа, стремление заполнить свой досуг или искреннее желание улучшить окружающую социокультурную среду, самое главное, что в рамках добровольных объединений их участники стали осознавать себя субъектами, а не объектами деятельности, начали осваивать новые правовые инструменты и старались передать эти знания и ценности обществу, показать мирный путь общественного преобразования.

Зачастую провинциальные общественники пытались реализовать свой потенциал (параллельно или последовательно) в различных институциональных формах. Начав свой общественный путь с работы в земстве, многие продолжали его в добровольных объединениях, а затем и в политических партиях. Очевидно, что обобщенный портрет добровольца не был статичным — он постепенно менялся на протяжении всего рассматриваемого периода по мере того, как шел процесс социокультурной модернизации и трансформировалась правовая база организованной инициативы. Исторически беря свое начало в среде образованных людей из привилегированных сословий, руководство и состав добровольных неполитических объединений на рубеже XIX–XX вв. значительно демократизировались. Тем не менее по-прежнему движущей силой обществ была интеллигенция, сформированная из различных социальных групп. Вместе с тем деятельность участников добровольных неполитических объединений в провинции стала важным показателем формирования здесь особого политико-правового пространства — гражданского общества.

³⁵ Чехов А.П. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 88–89.

³⁶ Бунин И.А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М., 1988. С. 201.

³⁷ Там же. С. 315.

Литература

1. Бунин И.А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / И.А. Бунин. М. : Правда, 1988. 477 с.
2. Дашков Д.Д. Дворянство и народ / Д.Д. Дашков // Деятельность Дмитрия Дмитриевича Дашкова по народному образованию в Рязанском земстве и его доклады Рязанскому губернскому земскому собранию за 1869–1875 гг. / под ред. кн. С.Н. Волконского. Рязань : Ряз. учен. арх. комис., 1903. 19 с.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Ф.М. Достоевский ; сост. В.Н. Бунин. СПб. : Лениздат, 1999. 735 с.
4. Календарь Рязанской губернии на 1887 г. / под ред. А.В. Селиванова, Н.К. Фроста. Рязань : Тип. губ. Правл., 1887.
5. Календарь Рязанской губернии на 1905 г. / сост. И.И. Проходцов. Рязань : Тип. Н.В. Любомудрова, 1906. С. 164–332.
6. Кошелев А.И. Наше положение / А.И. Кошелев. Berlin : Behr' Buchhandlung (E. Bock), 1875. 189 с.
7. Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора / К.А. Кривошеин. М. : Московский рабочий, 1993. 264 с.

8. Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI — начала XX в. / И.Г. Кусова. Рязань : Март, 1996. 157 с.
9. Левашов А.В. Из записок земца (1867–1900 гг.) / А.В. Левашов // ТРУАК. 1900. Т. 15. Вып. 1. С. 1–48.
10. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника) : в 4 кн. Кн. 1 / В.А. Маклаков. Париж, 1936. 246 с.
11. Хвостов А.И. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 6 : Деятельность политических партий в Рязанской губернии (конец XIX в. — 1917 г.) / А.И. Хвостов. Рязань : Тип. изд-ва Поверенный, 2004. 179 с.
12. Милеев Ф.Ф. О расширении деятельности Общества рязанских врачей / Ф.Ф. Милеев. Рязань, 1898. —нет страниц
13. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. Т. 1 : 1859–1907 гг. / П.Н. Милюков. М. : Современник, 1990. 445 с.
14. Мордвинов В.И. Музыка в Рязани (1908–1914) / В.И. Мордвинов. Рязань : Поверенный, 2003. 55 с.
15. Письма П.Н. и А.С. Милюковым от рязанских знакомых в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Археологический ежегодник за 2012 год / отв. ред. С.М. Каштанов. М. : Наука, 2016. 425 с.
16. Салазкин С.С. Основания и формы взаимоотношений земства и кооперативов : доклад / С.С. Салазкин. Рязань : Тип. Н.В. Любомудрова, 1915. 6 с.
17. Стратонитский К. Устройство и управление городов (Антоновы. Портреты) / К. Стратонитский // Россия в ее прошлом и настоящем. М. : Тип. В.М. Саблина, 1914. 1240 с.
18. Тарабрин Е.Г. Рязанское земство и Первая мировая война / Е.Г. Тарабрин // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 1 (26). С. 47–53.
19. Толстой Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой // Собрание сочинений : в 12 т. Т. 8. М. : ГИХЛ, 1959. 480 с.
20. Толстой Л.Н. Плоды просвещения / Л.Н. Толстой // Собрание сочинений : в 12 т. Т. 12. М. : ГИХЛ, 1959. 511 с.
21. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 29 : Произведения 1891–1894 гг. / Л.Н. Толстой ; под общ. ред. В.Г. Черткова. М. : Художественная литература, 1954. 449 с.
22. Туманова А.С. Разработка законодательства об общественных организациях в Российской империи / А.С. Туманова // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / под ред. А.С. Тумановой, В.Я. Гросула, А.Е. Иванова, И.С. Розенталя и др. М. : РОССПЭН, 2011. С. 193–216.
23. Тургенев И.С. Дым. Новь. Вешние воды. Стихотворения в прозе / И.С. Тургенев. М. : Художественная литература, 1981. 620 с.
24. Чехов А.П. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1 / А.П. Чехов ; сост. и вступ. ст. Г. Бердникова ; илл. С. Алимова и Кукрыникова. М. : Художественная литература, 1979. 702 с.
25. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом / Д.Н. Шипов. М. : Сабашниковы, 1918. 592 с.

СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

*Воробьев Андрей Витальевич,
инспектор отделения комплектования постоянным составом отдела кадров
Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации
drew_voro@mail.ru*

В статье на основе методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения анализируются сущность и исторические последствия наиболее значимых протестных выражений, имевших место в Российской империи и современной России. Исторический опыт показывает, что использование как легальных, так и незаконных способов протестных выражений не всегда позволяет достичь желаемого протестующими результата. Автор приходит к выводу, что причины подавляющего большинства протестных явлений социально-политического характера в Российской империи и Российской Федерации имеют схожие черты.

Ключевые слова: социально-политический протест, протестные движения, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

The Essence and the Historical Meaning of Social and Political Protests in the Russian Empire and the Russian Federation (a Comparative Law Analysis)

*Vorobyev Andrey V.
Inspector of the Division of Permanent Staff Recruiting of the Human Resource Department
of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*

The article analyzes the content and historical consequences of the most significant protest expressions that happened in the Russian Empire and modern Russia on the basis of the methodology of chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence.

Historical experience shows that the use of both legal and illegal methods of protest expressions does not always allow the desired result to be achieved by the protesters. The author comes to the conclusion, that the reasons for the overwhelming majority of a socio-political protests in the Russian Empire and the Russian Federation have similar features.

Keywords: socio-political protest, protest movements, chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence.

История российского государства на всем своем протяжении пережила немало народных выступлений и движений протестного характера, связанных с наиболее актуальными проблемами общественной жизни. Выражение недовольства зачастую осуществлялось не только законными способами, но и противоправными методами, опасными как для самих граждан, так и для всего государственного строя в целом.

Наибольший интерес для исследования сущности протестных выражений представляют исторические периоды конца XVIII — начала XX в. и современной России. Указанный подход связан с правовым регулированием самих протестных выражений. Правовые нормы, касающиеся участия граждан в протестных выступлениях, появляются и находят свое развитие лишь со становлением Российской империи. В период Советского государства законодательство, регулировавшее народное волеизъявление, как таковое отсутствовало и получило толчок к развитию лишь после распада СССР. Это позволяет говорить о наличии хронологического разрыва в исследуемом явлении. В связи с этим наиболее целесообразным видится рассмотрение вопроса сущности социально-политических протестных явлений в Российской империи и Российской Федерации, основываясь на методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения¹.

Вопрос изучения сущности народных протестных выражений, а также анализ их исторического значения неоднократно затрагивались в научных трудах историков и правоведов. Так, например, конституционно-правовой характер протестных отношений рассматривали в своих работах Д.Р. Салихов² и С.А. Авакьян³. Вопросы трудовых протестов в Российской Федерации поднимались в трудах П.В. Бизюкова⁴. Социальную напряженность в обществе в целом как одну из детерминант преступности изучал П.Н. Фещенко⁵. Влияние политической нестабильности на уровень политической преступности в обществе подмечал П.А. Кабанов⁶.

¹ Демичев А.А. Теоретико-методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. Вып. 1. Н. Новгород, 2009. С. 7–16; Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. 2010. № 16. С. 2–7.

² Салихов Д.Р. Протестные отношения в конституционном праве: вопросы теории // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 66–73.

³ Авакьян С.А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 3–17.

⁴ Бизюков П.В. Трудовые протесты в России в 2008–2011 гг. // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 4. С. 30–34.

⁵ Фещенко П.Н. Социальная напряженность в системе детерминант преступности: проблемы понимания и криминологического воздействия // Российский следователь. 2015. № 23. С. 42–46.

⁶ Кабанов П.А. Криминологический анализ основных политических причин, детерминирующих политическую

Правовые аспекты процессов Октябрьской революции 1917 г. исследовала Г.А. Трофимова⁷.

Основной целью данной статьи является сравнение сущности наиболее значимых протестных выражений, имевших место в Российской империи и современной России, а также обобщение научных знаний об их исторических последствиях.

До XVIII в. правовое регулирование протестных выражений отсутствовало, и практически все народные выступления в России носили характер бунтов и восстаний и довольно жестко подавлялись правителями. В условиях самодержавного правления недовольство граждан политическими и социальными проблемами могло находить выражение лишь в выступлениях протестного характера, носивших противоправный характер и запрещенных уголовным законодательством.

Одним из наиболее масштабных протестных выражений XVIII в. стало восстание под предводительством Емельяна Пугачева в 1773–1775 гг. Столкновение довольно серьезных проблем российского общества — каторжных условий труда приписных крепостных крестьян на заводах Урала, ухудшение экономического и социального положения всего крестьянского сословия в целом и стремление казацкого сословия к получению ряда привилегий привело к объединению этих групп в качестве основной действующей силы протестного выражения. По нашему мнению, небывалая по тем временам численность восставших связана с большим территориальным распространением протестной активности и общегосударственным характером назревших проблем.

Стоит отметить, что значительное социальное расслоение, ставшее одной из причин восстания, — проблема, существующая в России на протяжении многих веков и сохраняющаяся по сей день. Экономический кризис, приводящий к снижению уровня жизни населения в современной России, все чаще также приводит к появлению протестных настроений.

Несмотря на то, что восстание под предводительством Пугачева в итоге было подавлено, оно оказало существенное влияние на принимаемые внутривнутриполитические решения по социальным вопросам. Можно сказать, что восставшие добились определенных результатов — в результате проведенных реформ удалось добиться снижения количества крестьянских волнений и протестов до самого начала XX в.

В 1782 г. была проведена правоохранительная реформа, выразившаяся в принятии Устава благочиния или полицейского — важного нормативного правового акта, регламентировавшего не только статус полицейских органов, но и носившего характер источника уголовного законодательства, устанавливавшего в том числе ответственность за некоторые формы протестных выражений.

XIX в. охарактеризовался изменениями как в словесном составе граждан, выражавших протестные настроения, так и в способах реализации протеста. Все

преступность // Российский следователь. 2007. № 19. С. 16–19.

⁷ Трофимова Г.А. Октябрьская революция с позиции норм позитивного и естественного права // История государства и права. 2017. № 21. С. 7–11.

больше граждан, выразивших неодобрение политике императора, появлялось среди состоятельных сословий — в первую очередь молодых офицеров-дворян, зачастую являвшихся еще студентами. Основной причиной, по которой произошло появление недовольства среди этой части российского общества в XIX в., видится осознание накопившихся социальных проблем в стране, сильно замедлявших экономическое развитие страны и требовавших проведения целого комплекса реформ.

Стоит отметить сходство в том, что и в современной России протестующие группы во многом представлены сравнительно молодыми гражданами. Однако необходимо понимать важное отличие — в наши дни многие молодые люди, выходящие на протест, делают это стихийно, неорганизованно, так как подобные стремления порой намеренно навязаны молодежи средствами массовой информации.

Начало XIX в. стало временем появлением первых тайных обществ как одной из форм протестного выражения, так как у представителей дворянского сословия не было возможности открыто выражать свое протестное отношение к политике императора. Представители тайных организаций являлись авторами ряд проектов по свержению государственного строя и проведению реформ, в том числе по отмене крепостного права, которые так и не были реализованы. Для достижения своих целей представители тайных организаций использовали в основном нелегальные способы террора, бунта, антиправительственных выступлений.

В XXI в. можно также отметить скрытый характер появления протестных настроений — сегодня для общения и организации протестных выражений зачастую используются средства массовой информации и информационная сеть Интернет, которая дает возможность действовать анонимно. Однако в современной России для достижения целей протестных выражений в основном используются предусмотренные действующим законодательством способы выражения недовольства.

После восстания декабристов в 1825 г. значительные силы были брошены на борьбу с тайными обществами и противодействию проводимой ими агитационной работе. С 1826 г. высшим органом политического сыска становится Третье отделение Собственной Его императорского величества канцелярии, занимавшееся противодействием политическим преступлениям и террору. Уже с принятием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных категории «тайные общества» и «запрещенные сходбища» были законодательно закреплены в качестве составов уголовно-наказуемых деяний. Однако, несмотря на борьбу, проводимую в XIX в. органами полиции, террор, осуществлявшийся членами запрещенных обществ по политическим мотивам, оставался одной из наиболее опасных, законодательно запрещенных форм протестной активности тайных организаций.

Можно провести определенные аналогии с современной Россией, ведь и сегодня значительные государственные силы брошены на борьбу с проявлениями терроризма и экстремизма. Все чаще существующие политические и экономические проблемы используются для создания антигосударственных настроений и призыва к использованию не только законных, но и нелегальных форм протестного выражения. Однако наличие в современном мире значительного количества способов распространения информации затрудняет борьбу с пропагандой таких идей.

Конец XIX в. характеризуется появлением большого количества волнений рабочих на фабриках и заводах

(например, Морозовская стачка 1885 г. и Иваново-Вознесенские стачки конца XIX — начала XX в.). В связи с этим можно говорить о появлении нового направления протестного движения в Российской империи — социально-экономическом протесте в форме стачек рабочих, которые также были запрещены Уложением о наказаниях уголовных и исправительных и стали легальной формой выражения недовольства рабочих лишь в начале XX в.

Основной целью стачек было противодействие неблагоприятным, каторжным условиям труда на мануфактурах. Определенных успехов эти протестные выражения все же достигли. Постепенно в России появляется новая отрасль фабрично-трудового законодательства. Так, в 1882 г. был принят закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках, мануфактурах», в 1884 г. появился закон «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции», в 1885 г. — «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» и, наконец, в 1886 г. — закон «Об утверждении проекта правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности, о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции». Однако можно согласиться с Р.Р. Мустафиным в том, что к таким законодательным мерам правительство прибегало скорее, чтобы успокоить стачечное движение рабочих и у государства отсутствовал ясно сформулированный план относительно принимаемых в этой сфере положений⁸.

Если сравнивать протесты в форме стачек с современным забастовочным движением, то в первую очередь следует говорить о периоде 1990-х годов. Основной причиной большого количества забастовок в последнее десятилетие XX в. видится достаточно глубокий экономический кризис, начавшийся после распада СССР, который привел к проблемам с выплатой заработной платы на многих предприятиях. Первое десятилетие XXI в. охарактеризовалось ростом российской экономики и снижением забастовочной активности населения. Последствия экономического кризиса 2008 г., безусловно, нашли свое отражение, во вновь возникающих протестах экономического характера среди работников организаций в различных отраслях. В отличие от протестной активности рабочих конца XIX — начала XX в. причины современных забастовок связаны более не с вопросами правового регулирования трудовых отношений, а с финансовыми взаимоотношениями рабочих и работодателя.

Стоит отметить, что не все забастовочные протестные движения в Российской империи приводили к удовлетворению требований протестующих. Зачастую применялись достаточно жесткие методы для разгона участников стачек с последующим применением мер дисциплинарного и уголовного характера к их участникам.

В январе 1905 г. в России произошло кровопролитное событие, закрепившееся в истории как «кровавое воскресенье», послужившее началом Первой русской революции. Многотысячное шествие трудящихся, направлявшихся к Зимнему дворцу с целью вручить Николаю II документ с рядом требований и

⁸ Мустафин Р.Р. Социально-экономические права рабочих в фабричном законодательстве Российской империи // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 41.

предложений — Петицию о рабочих нуждах, закончилось вооруженным разгоном демонстрантов и человеческими жертвами.

Довольно тонка грань, как верно отметил Д.Р. Салихов, между двумя крайностями: либо государство может преувеличить масштаб протеста и будет следовать требованиям малой части населения, либо, наоборот, задействует по отношению к протестующим всю мощь репрессий⁹, что и случилось в январе 1905 г. В связи с тем, что само по себе шествие рабочих не являлось общественно опасным, одним из наиболее дискуссионных вопросов являются законность и обоснованность решений, принятых органами власти по разгону протестующих.

Историки расходятся во мнениях: можно ли было избежать жертв среди участников шествия. Так, С.Ю. Витте писал, что царю не следовало выходить к рабочим, но он мог бы направить к ним одного из своих генерал-адъютантов, чтобы тот принял Петицию и предложить участникам шествия разойтись, пообещав, что их требования выборочно будут выполнены¹⁰, наверняка это помогло бы избежать большого количества человеческих жертв и, вероятно, предотвратило бы революционное движение.

Среди наиболее значимых итогов Первой русской революции можно назвать принятие Манифеста от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», а также Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласившего свободу совести, слова, собраний и союзов. Таким образом, впервые за весь период существования Российской империи законодательно закреплялась легальная возможность выражения общественной позиции по тем или иным вопросам.

Однако, несмотря на принятые меры, многие социально-экономические проблемы в России так и оставались нерешенными, а функционирование Государственной думы осуществлялось с большими проблемами — за 12 лет она четырежды переизбиралась. Продолжавшиеся стачки, забастовки и митинги в совокупности с кризисом в политических верхах, недовольством высших чинов проводимой императором внутренней и внешней политикой привели к Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., падению монархического строя, свержению императора и установлению власти Временного правительства. А в октябре того же года — к вооруженному захвату власти большевистской партией, свержению Временного правительства, началу гражданской войны и установлению советской власти на территории российского государства.

Проводимая советской властью политика не подразумевала признания каких-либо протестных настроений и движений. В связи с этим, несмотря на то, что протестные выражения существовали и в советский период, информация о них не распространялась. Свобода собраний граждан, хоть и была конституционно закреплена, фактически никак законодательно не регулировались и не реализовывалась.

В современной России активизировалась политическая борьба, использующая возникающие в обществе экономические и социальные проблемы для

управления общественным мнением. Довольно масштабные акции, проводимые оппозиционными партиями, такие как «Марши несогласных» в 2005–2008 гг., протесты на Болотной площади и Пушкинской площади в Москве в 2011–2012 гг. по вопросу выборов в Государственную Думу и Президентских выборов, а также антикоррупционные протесты в 2016–2017 гг. вызваны рядом экономических и политических причин, таких как снижение уровня жизни большей части жителей страны, рост количества малоимущих, накопление остросоциальных проблем, а также отсутствие фактической возможности у оппозиционных сил принятия участия в политической жизни страны. Коренное отличие современных протестных выражений от существовавших в Российской империи состоит, во-первых, в их легальности, так как используются законные средства выражения недовольства — митинги, шествия, пикетирования, а во-вторых, в их очевидной политизированности. По нашему мнению, П.А. Кабанов прав в утверждении о тесной взаимосвязи значительных изменений в жизни общества с активизацией политической борьбы за власть, и действительно, политическая борьба между партиями и движениями за власть в государстве или регионе, выходящая за рамки общепринятых политических и правовых норм, порождает политические противоречия, политическую нестабильность и глубокие социальные изменения¹¹.

Современные протестные движения используются оппозицией не столько для предложения вариантов решения накопившихся проблем, сколько для создания негативного имиджа руководящей политической партии и с целью увеличения количества антиправительственно настроенных граждан, в основном в молодежной среде. Стоит отметить, что в 2018 г. одним из наиболее острых и актуальных вопросов становится планируемая пенсионная реформа в России, встретившая с самого начала значительное неодобрение в обществе и потенциально способная привести к новому всплеску протестной активности в стране, которые также могут быть использованы в попытках влияния на общественное мнение.

Подводя итог, стоит согласиться с мнением С.В. Позднякова о том, что даже в исторические периоды крупных реформ и революций, разбухших политических ожиданий и острой борьбы интересов большинство населения Российского государства оказывалось вне политики, оставаясь преимущественно пассивными зрителями разыгрываемого властями и политическими партиями исторического спектакля¹². В Российской империи первопричина этого состояла в единоличном, самодержавном характере власти. В современной России, несмотря на наличие законодательно закрепленных демократических прав и свобод, говорить об участии граждан в решении каких-либо значимых социальных и политических вопросов также можно с большим трудом.

Анализ истории протестной активности в России свидетельствует о том, что с учетом исторических особенностей причины подавляющего большинства протестных выражений социального и политического характера в Российской империи и Российской Федерации имеют схожие черты. Сословный и возрастной состав участников протестных движений менялся с течением

⁹ Салихов Д.Р. Указ. соч. С. 70.

¹⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Т. 1. 571 с.

¹¹ Кабанов П.А. Указ. соч. С. 16.

¹² Поздняков С.В. Политический протест: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 23.

времени и был связан с наиболее острыми проблемами, существующими в обществе. До начала XX в. в связи с отсутствием законодательно закрепленных свобод граждане в основном использовали нелегальные формы выражения протестных настроений. В современной России законодательно закреплен достаточно большой перечень легальных способов протеста.

Стоит отметить, что протестные выражения как легального, так и запрещенного характера порой приводили к определенным результатам и вынуждали власть идти на уступки. В целом протестные движения являются свидетельством наличия значительных неразрешенных противоречий в обществе и требуют учета исторического опыта в указанной сфере.

Литература

1. Авакьян С.А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 3–17.
2. Бизюков П.В. Трудовые протесты в России в 2008–2011 гг. / П.В. Бизюков // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 4. С. 30–34.
3. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II / С.Ю. Витте. Берлин : Слово, 1922. Т. 1. 571 с.
4. Демичев А.А. Теоретико-методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения / А.А. Демичев // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение : сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. Вып. 1. Н. Новгород, 2009. С. 7–16.
5. Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки / А.А. Демичев // История государства и права. 2010. №16. С. 2–7.
6. Кабанов П.А. Криминологический анализ основных политических причин, детерминирующих политическую преступность / П.А. Кабанов // Российский следователь. 2007. №19. С. 16–19.
7. Мустафин Р.Р. Социально-экономические права рабочих в фабричном законодательстве Российской империи / Р.Р. Мустафин // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 38–42.
8. Поздняков С.В. Политический протест : автореф. дис. ... канд. полит. наук / С.В. Поздняков. Ростов н/Д, 2002. 26 с.
9. Салихов Д.Р. Протестные отношения в конституционном праве: вопросы теории / Д.Р. Салихов // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 66–73.
10. Трофимова Г.А. Октябрьская революция с позиции норм позитивного и естественного права / Г.А. Трофимова // История государства и права. 2017. № 21. С. 7–11.
11. Фещенко П.Н. Социальная напряженность в системе детерминант преступности: проблемы понимания и криминологического воздействия / П.Н. Фещенко // Российский следователь. 2015. № 23. С. 42–46.

НЕСОВЕРШЕНСТВО ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК УГРОЗА ИНСТИТУТУ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ)

*Леонов Александр Петрович,
адъюнкт кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации
leo05alex@yandex.ru*

В статье на основе методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения исследуются избирательные системы Российской империи и Российской Федерации в части выборов депутатов Государственной Думы. Автором делается вывод о том, что несовершенство избирательных систем является прямой угрозой для института народного представительства в России.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, Государственная Дума, народное представительство, представительный орган власти.

The Imperfection of Electoral Systems of the Russian Empire and the Russian Federation as a Threat to the Popular Representation Institution (on the Example of Elections of Deputies to the State Duma)

*Leonov Aleksandr P.
Junior Scientific Assistant of the Department of Theory and History of State and Law of the
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*

In the article on the basis of the methodology of chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence, the electoral systems of the Russian Empire and the Russian Federation in the election of deputies of the State Duma are being investigated. The author concludes that the imperfection of electoral systems is a direct threat to the institution of people's representation in Russia.

Keywords: chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence, the State Duma, people's representation, representative authority.

Еще в далеком 1900 г. выдающийся русский юрист, философ, публицист, историк и общественный деятель Борис Николаевич Чичерин в своем труде «Философия права» писал: «Наука только тогда идет твердым шагом и выверенным путем, когда она не начинает всякий раз сызнова, а примыкает к работам предшествующих поколений, исправляя недостатки, устраняя то, что оказалось ложным, восполняя проблемы, но сохраняя здоровое зерно, которое выдержало проверку логики и опыта»¹. Поддерживая и развивая мысль Чичерина некоторые современные исследователи приходят к выводу, что «большой проблемой многих современных ученых является недооценка трудов своих предшественников, а недостатком политиков — забвение политического опыта и исторических закономерностей собственной страны, чреватое повторением ошибок, порой роковых»².

Такого же мнения придерживаются представители научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, отцом-основателем которой является профессор Алексей Андреевич Демичев³. Именно с методологических позиций этой школы мы предлагаем в данной статье обратить внимание на проблемы института народного представительства в Российской империи и Российской Федерации на примере выборов депутатов Государственной Думы.

Как известно, Государственная Дума Российской империи учреждена манифестом императора Николая II от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной Думы» и официально распущена постановлением Временного правительства 6 октября 1917 г. В Российской Федерации Государственная Дума учреждена Указом Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации».

Государственные органы, на которые в разное время в период СССР были возложены функции Думы, нельзя считать ее полноценными аналогами, поскольку до 1989 г. они не являлись постоянно действующими в отличие от Думы и, кроме того, имели не только законодательные полномочия, но и полномочия в области исполнительной власти, а также контрольные полномочия, юридически и фактически являясь высшими органами государственной власти в СССР. Таким образом, можно утверждать, что в существовании и функционировании института Государственной Думы произошел хронологический разрыв, причем речь в данном случае идет не только о временном разрыве как таковом, но и о разрыве исторической традиции, поскольку регламентирующие деятельность Государственной Думы нормативные акты, несмотря на многочисленные сходные моменты между этими двумя институтами, ни в коем случае не закрепляют каких-либо положений о преемственности, хотя бы частичной, между Думой царской и ее современным аналогом.

¹ Чичерин Б. Философия права. М., 1900. С. 24.

² Лукьянова Е.А., Порошин Е.Н. Народное представительство — взгляд в будущее из прошлого (Борис Чичерин и проблемы современной России) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 25.

³ См.: Демичев А.А. Теоретико-методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: сб. науч. тр. / под ред. А.А. Демичева. Вып. 1. Н. Новгород, 2009. С. 7–16; Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. 2010. № 16. С. 2–7.

Резюмируя изложенное выше, можно сделать вывод о том, что Государственная Дума является классическим хронодискретным институтом, а значит, она может быть изучена с позиций методологии научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения.

На всем протяжении своего существования Государственная Дума позиционируется не только как законодательный орган власти, но и как орган, призванный реализовать право народа на управление делами государства через своих представителей в органах государственной власти. Не вызывает сомнений, что наличие и, главное, реальное функционирование представительных органов являются важнейшим признаком демократического государства. Для Российской Федерации, в которой верховная власть на конституционной основе закреплена за ее многонациональным народом, наличие подобных органов является само собой разумеющимся фактом. В связи с этим еще более ценным представляется опыт по внедрению института народного представительства в систему органов государственной власти Российской империи, которую назвать демократическим государством нельзя.

Статус Государственной Думы как законодательного и представительного органа государственной власти установлен Конституцией РФ (ст. 94, 95). Анализ исторического опыта позволяет с уверенностью сказать, что ничего нового в этом нет, ровно такие же полномочия были присущи и Государственной Думе Российской империи, которая изначально учреждалась императором Николаем II как «особое законосовещательное учреждение»⁴, но затем была преобразована в законодательный представительный орган⁵.

Несмотря на это, по нашему мнению, говорить о Государственной Думе как о представительном органе можно разве что номинально, декларативно, поскольку все-таки именно такие формулировки закреплены современной Конституцией и царскими манифестами. Причина этого явления заключается, на наш взгляд, в первую очередь в крайне низкой степени ее репрезентативности, что является следствием несовершенства избирательного законодательства, на основании которого и формируется итоговый персональный состав Думы.

Именно несовершенство избирательной системы, отрицавшей всеобщие, равные и прямые выборы и вводившее взамен смешанную, сословно-цензовую систему многостепенных выборов, является основной проблемой, не позволившей сформировать в Российской империи действительно представительную Государственную Думу. Царское правительство делало все возможное для того, чтобы так или иначе ограничить возможность представления в Думе целых социальных групп и даже классов населения. Более того, в Думу планировалось проведение единомышленников императорской власти. По этому поводу очень четко выразился П.А. Лобко обобщая перед императором свое мнение по поводу одного из проектов Положения о выборах в Государственную Думу в ходе «Петергофского совещания» 25 июля 1905 г.: «...теперь мы остановились на вопросе о том, как выбрать в Думу людей, единомышленных с Вами по основному вопросу о самодержавии. Можно сказать, что Ваши

⁴ Манифест от 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV. Отд. I. № 26656.

⁵ Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV. № 26803.

подданные во всех их классах склонны разделять эту основную мысль. Странно было бы, если бы Государь призывал на совет людей, которые отвергают самодержавие. Такие люди есть, а потому важно, как устроить выборы»⁶.

Результатом принятия Положения стало то, что в стране была провозглашена не равная, а, как уже говорилось выше, смешанная, сословно-цензовая система выборов, которая с незначительными изменениями действовала вплоть до роспуска последней царской Думы в 1917 г., и выборы при этом были не прямыми, а многостепенными. Подобная система означает, что от участия в выборах исключаются целые группы населения, не соответствующие определенным сословным или имущественным цензам, а те же, кто избирательные права получил, на самом деле избирают не непосредственно выборное лицо, а только лишь членов коллегии, которая затем уже избирает собственно выборный орган. В Российской империи такими коллегиями являлись съезды выборщиков и образуемые ими губернские или городские избирательные собрания.

Согласно Положению к участию в выборах допускались только те лица, которые соответствовали цензовой системе. К таковым цензам относились:

- возрастной, согласно которому избирательные права предоставлены лицам, достигшим 25 лет;

- гендерный, согласно которому право голоса предоставлялось только лицам мужского пола;

- образовательный, в соответствии с которым к участию в выборах не допускались лица, обучающиеся в учебных заведениях;

- отношения к действительной военной службе, согласно которому избирательного права лишались действующие воинские чины армии и флота;

- оседлости, в соответствии с которым не допускались до участия в выборах «бродячие инородцы», т.е. кочевые народы;

- подданства, определявший, что к участию в выборах не допускаются иностранные подданные;

- имущественный, согласно которому к участию в выборах не допускались лица, не владевшие имуществом или землей в пределах, установленных законом.

Анализ системы избирательных цензов позволяет сделать вывод о том, что значительное количество подданных императора Николая II было лишено избирательных прав, а значит, их интересы не могли быть представлены в Государственной Думе. Таким образом, несовершенство царской избирательной системы, лишавшей огромные массы населения права на участие в управлении делами государства, конечно же, не могло способствовать налаживанию диалога между властью и обществом. Более того, оно являлось прямой угрозой развитию гражданского общества в империи и вкупе с другими факторами привело в конечном итоге к Октябрьской революции 1917 г., когда народ, лишенный даже призрака власти в собственном государстве, руководствуясь лозунгом «Вся власть — народу!», взял эту власть самостоятельно и в полном объеме.

⁶ Протоколы заседаний совещания под личным председательством его Императорского Величества для обсуждения предначертаний, указанных в высочайшем рескрипте 18 февраля 1905 года (так называемые «Петергофские совещания»). Цит. по: Веденеев Ю.А., Зайцев И.В., Луговой В.В. Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX — начала XX вв. М.: Норма, 2001. С. 510.

В современной России проблема избирательных цензов решена, и из всей приведенной выше системы в настоящее время актуальными являются только возрастной ценз (сниженный для реализации пассивного избирательного права до 18 лет) и ценз гражданства. Однако устранение этой проблемы не привело к решению проблемы чрезвычайно низкой репрезентативности Государственной Думы, и причиной снова является несовершенство уже современной избирательной системы. На всем протяжении существования Государственной Думы Российской Федерации не прекращаются поиски оптимальной избирательной системы, однако благое, по сути, начинание, с каждым новым витком эксперимента, приводит к прямо противоположному результату, делая избирательную систему современной России все более и более несовершенной. Рамки небольшой статьи не позволяют провести подробный анализ, поэтому рассмотрим только выборы Думы двух последних созывов.

Выборы депутатов Государственной Думы предыдущего VI созыва производились по пропорциональной системе. Ее смысл заключался в том, что все 450 депутатов избирались по партийным спискам по единому федеральному округу, а затем депутатские мандаты распределялись пропорционально проценту набранных каждой партией голосов. При этом для того, чтобы быть представленной в Государственной Думе, партия должна была преодолеть 7% барьер. По результатам выборов с применением этой системы в Думу прошло только 4 партии, а именно «Единая Россия» (49,32% голосов избирателей), КПРФ (19,19%), «Справедливая Россия» (13,24%) и ЛДПР (11,67%). Остальные партии, принимавшие участие в выборах, не смогли преодолеть 7% барьер и мест в Думе не получили. Нетрудно подсчитать, что общий процент голосов, отданных за 4 прошедшие в Думу партии, составил 93,42. Согласно данным официальной статистики, в выборах участвовали 65 656 526 человек. Это значит, что по итогам выборов в Думе не были представлены интересы 4 317 792 человек, отдавших свой голос за партии, не прошедшие в Думу. Это очень много, а если учесть, что значительная часть населения страны участия в выборах не принимала, то цифра будет еще больше.

По итогам выборов «Единая Россия» получила в Думе 238 мест, КПРФ — 92 места, «Справедливая Россия» — 64 места и ЛДПР — 56 мест.

Как видим, «Единая Россия» получила в Думе мест больше, чем три оставшиеся партии вместе взятые, — 238 мест против 212. Учитывая конституционное положение о том, что федеральный закон считается принятым, если за него проголосовало простое большинство от общего числа депутатов Государственной Думы, на практике возникла такая система, в которой при формальной многопартийности на деле существует одна правящая партия, имеющая реальную возможность единолично определять, какие законы будут приниматься, а какие нет. А это значит, что в реальности в Государственной Думе VI созыва были представлены интересы менее чем половины от общей численности населения государства. Конечно, в Конституции в лице Совета Федерации предусмотрен некий «защитный механизм» от произвола правящей партии, который может не одобрить принятый закон и вернуть его в Государственную Думу, но на деле этот механизм, по крайней мере в настоящее время, не работает, в чем мы сможем убедиться ниже.

Выборы в Государственную Думу VII созыва, состоявшиеся в 2016 г., проходили по смешанной системе, хорошо нам известной и применявшейся на выборах в

Думу в 1993, 1995, 1999 и 2003 гг. Из 450 депутатов 225 были избраны по партийным спискам по единому федеральному округу (пропорциональная система), а еще 225 — по одномандатным округам (мажоритарная система). Для попадания в думу по пропорциональной системе партиям было необходимо преодолеть 5% барьер, а кандидатам в округах было достаточно получить относительное большинство голосов. На первый взгляд, было сделано достаточно многое для того, чтобы восстановить представительную функцию Государственной Думы. Гражданам, например, предоставили возможность голосовать не за абстрактную партию, которая сама решает, кто станет депутатом, а за конкретного кандидата, вполне возможно хорошо известного избирателям своими делами. Для партий же снизили проходной барьер в Думу с 7 до 5%. Но что получилось в итоге всех этих новшеств?

По результатам выборов, в Госдуму прошли все те же 4 партии — «Единая Россия» с результатом в 54,2% голосов избирателей по федеральным спискам и 203 голоса по одномандатным округам, КПРФ — 13,34% голосов по федеральным спискам и 7 голосов по одномандатным округам, ЛДПР — 13,14% голосов по федеральным спискам и 5 голосов по одномандатным округам и «Справедливая Россия» — 6,22% голосов по федеральным спискам и 7 голосов по одномандатным округам. Оставшиеся 10 партий, принимавших участие в выборах, не смогли преодолеть даже сниженный до 5% порог. Партии, преодолевшие барьер и прошедшие в Думу, совокупно набрали 86,9% голосов, т.е. уже по результатам выборов в Государственной Думе не были представлены интересы 13,1% избирателей. Всего в выборах проголосовало 52 631 849 человек, а значит, без представительства остались 6 892 153 избирателя. То есть картина еще менее радостная, чем при выборах в Госдуму предыдущего созыва. Ну а если посмотреть на то, как в итоге распределились депутатские мандаты, то именно здесь мы и увидим причину, по которой фактически стал не работоспособным конституционный защитный механизм от произвола правящей партии: «Единая Россия» — 343 места (76,22%); КПРФ — 42 места (9,33%); ЛДПР — 39 мест (8,67%); «Справедливая Россия» — 23 места (5,11%).

Фактически сложилась беспрецедентная ситуация, когда правящая партия в Думе уже по итогам выборов получила конституционное большинство мест. А это значит, что теперь «Единая Россия» может единолично, без оглядки, пусть даже формальной, на мнение других представленных в Думе партий, принимать или отклонять любые законы. Более того, «Единая Россия» теперь может единолично преодолевать несогласие Совета Федерации и даже президентское вето на любой закон.

С одной стороны, можно апеллировать к тому, что, по крайней мере, интересы более 50% граждан страны, принявших участие в выборах в Думе, все-таки представлены. Но с другой — если проанализировать происходящие в современном гражданском обществе процессы, картина будет поистине ужасающей. Для этого достаточно рассмотреть ситуацию с принятием нового пенсионного законодательства. Согласно данным опроса общественного мнения, проведенного исследовательским центром «Ромир»⁷, более 92% россиян выступили против повышения пенсионного возраста. Естественно, сюда входят и те, кто голосовал на прошедших выборах

за «Единую Россию». Однако даже этот факт не помешал правящей партии принять закон. То есть «Единая Россия» приняла закон, не обратив ни малейшего внимания на прямо противоположную позицию собственных избирателей. А это значит, что институт народного представительства в современной России существует лишь в теории, практически же он полностью уничтожен. Таким образом, несовершенство современной нам избирательной системы снова создает опаснейшую угрозу гражданскому обществу в России, полностью лишая это общество даже видимости равноправного диалога с властью, даже иллюзорной возможности оказать хоть какое-то влияние на принятие решений общегосударственной важности, непосредственно затрагивающих интересы каждого гражданина страны.

Подобная ситуация является своеобразным новшеством, характерным для современной Государственной Думы. Если обратиться к истории, то нетрудно заметить, что, несмотря на все попытки самодержавия так или иначе ограничить институт народного представительства в царской Думе, они не имели особого успеха. Даже ситуация с первой Государственной Думой, когда большинство левых партий бойкотировали выборы — РСДРП (большевики), национальные социал-демократические партии, Партия социалистов-революционеров (эсеры), Всероссийский крестьянский союз, не привела к тому, что какая-либо партия получила столь существенный перевес в Думе. Например, самая представленная в I Думе партия кадетов, насчитывающая 161 депутата, вполне уравновешивалась партиями трудящихся (97 депутатов), Автономистов (70 депутатов), а также беспартийными депутатами (100 человек)⁸. Партийный состав II–IV Государственных Дум был еще более широким, что обеспечивалось отсутствием каких-либо процентных барьеров для прохождения в Думу, характерных для нашего времени. Например, во II Думе было 98 кадетов, 65 социал-демократов, 36 эсеров, 16 представителей Партии народных социалистов, 104 трудящихся, 32 октябриста и 22 умеренно-правых. Как видим, налицо гораздо более высокая степень репрезентативности Государственной Думы в сравнении с ее современным аналогом и гораздо более полное отражение расстановки политических сил, существующих внутри общества.

Завершая статью, можно сделать вывод о том, что сложившаяся ситуация вряд ли позволяет всерьез говорить о том, что Государственная Дума действительно выполняет функцию представительства народных интересов. Интересов некоторой, отнюдь не самой большой части общества, — возможно. Интересов всего населения страны... Ответ очевиден. Попытки совершенствования избирательного законодательства устраняют одни проблемные моменты и тут же порождают новые, возможно, даже более опасные. А это значит, что, несмотря на все демократические преобразования современной России, гражданское общество нашей страны, как и 100 лет назад, остается отстраненным от реальной возможности управлять делами государства через своих представителей в высшем законодательном и «представительном» органе страны.

⁸ Алескеров Ф.Т., Кравченко А.С. Распределение влияния фракций в Государственных думах Российской империи (1906–1917): Препринт WP7/2005/04. М. : ГУ ВШЭ, 2005, 20 с. URL: <https://publications.hse.ru/preprints/77836724>

⁷ URL: <https://romir.ru/studies/dojit-do-pensii>

Литература

1. Алескеров Ф.Т. Распределение влияния фракций в Государственных думах Российской империи (1906–1917) / Ф.Т. Алескеров, А.С. Кравченко. М. : ГУ ВШЭ, 2005. 18 с.
2. Веденеев Ю.А. Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX — начала XX вв. / Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.В. Луговой. М. : Норма, 2001. 774 с.
3. Демичев А.А. Теоретико-методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения / А.А. Демичев // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение : сб. науч. тр. / под ред. А.А. Демичева. Вып. 1. Н. Новгород : Ваш полиграфический партнер, 2009. 155 с.
4. Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки / А.А. Демичев // История государства и права. 2010. № 16. С. 2–7.
5. Лукьянова Е.А. Народное представительство — взгляд в будущее из прошлого (Борис Чичерин и проблемы современной России) / Е.А. Лукьянова, Е.Н. Порошин // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 24–28.
6. Чичерин Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. М. : типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.

ПОЛИЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ПАРТНЕРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

*Нижник Надежда Степановна,
начальник кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
n.nishnik@bk.ru*

*Нудненко Лидия Алексеевна,
профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
почетный работник высшей профессиональной школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
nudnenko@rambler.ru*

В статье произведен обзор Юбилейной международной научной конференции «Российская полиция: три века служения Отечеству», посвященной 300-летию полиции России, состоявшейся в Санкт-Петербургском университете МВД России 23–25 апреля 2018 г., с изложением основных положений докладов и выступлений участников конференции, посвященных проблемам формирования партнерских отношений полиции и гражданского общества в России.

Ключевые слова: гражданское общество, полиция, партнерские отношения, институты гражданского общества, 300-летие полиции России, Санкт-Петербургский университет МВД России.

Police and a Civil Society: Areas and Forms of Partnership (Based on Files of an International Conference)

*Nizhnik Nadezhda S.
Head of the Department of Theory of State and Law of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

*Nudnenko Lidia A.
Professor of the Department of Legal Regulation of Public and Municipal Service
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Honored Worker of Higher Professional School of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The XIV international scientific conference „State and Law: evolution, current status, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police)“ held at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia on April

27–28, 2017, is reviews in the article. The main provisions of the reports and speeches of the conference participants on April 27, 2017, were devoted to the problems of forming partnerships between the police and civil society in Russia.

Keywords: civil society, police, partnerships, civil society institutions, the 300-th anniversary of the Russian police, the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Проблемы формирования партнерских взаимоотношений полиции и гражданского общества стали центральными на научных собраниях ученых¹ и молодых исследователей², посвященных 300-летию образования полиции России. Юбилейная международная научная конференция «Российская полиция: три века служения Отечеству», посвященная 300-летию полиции России, состоялась в Санкт-Петербургском университете МВД России. Более 1000 исследователей направили заявки для участия в конференции. 23–24 апреля состоялись пленарные и секционные заседания ученых и практикующих юристов. 25 апреля работала секция молодых исследователей, в которой приняли участие курсанты, слушатели, студенты, магистранты.

В программу научного собрания 23–24 апреля были включены выступления 431 исследователя — ученых и практиков из России, Беларуси, Казахстана,

Таджикистана. Среди участников конференции — представители 49 российских городов (в числе которых 109 докторов наук, 262 кандидата наук), 125 организаций и учреждений. Очное участие в конференции приняли 249 человек. На пленарных заседаниях с докладами выступили 20 участников конференции, на заседаниях 9 секций выступили 62 исследователя.

В программу научного собрания 25 апреля были включены выступления 307 молодых исследователей из России и Беларуси, в числе которых представители 22 российских городов, 43 образовательных организаций. Очное участие в конференции приняли 216 человек, которые выступили с докладами на 11 секциях.

Доклады и выступления участников научного форума получили отражение в двух сборниках материалов конференции³.

В числе основных дискуссионных вопросов конференции были определены: проблемы формирования партнерских взаимоотношений между полицией и гражданским обществом; проблемы формирования правовой культуры сотрудников полиции; проблемы профессиональной подготовки сотрудников полиции; роль общественного мнения как критерия определения эффективности деятельности полиции.

Характеризуя формы эффективного взаимодействия полиции и граждан в современной России, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации **М.В. Баранова** отметила, что правовая культура обывателя и сотрудника полиции отличается по восприятию права, отношению к праву, пониманию объема ценностей, выработанных в правовой сфере, наличию специальных юридических знаний. Полицейский, погруженный в процесс юридической практики, должен постоянно расширять и углублять свои специальные знания, соответствовать особым этико-деонтологическим требованиям, свойственным этой профессии. Для гражданина, далекого от юридической сферы, такой необходимости нет и его знания, установки, стереотипы формируются под воздействием принятого уклада жизни, целенаправленного правовоспитательного воздействия и др. При этом построение коммуникации между полицией и гражданами необходимо. Только поиск возможных путей сотрудничества дает возможность поступательного движения к укреплению законности и правопорядка в государстве.

¹ Нижник Н.С., Щепкин С.С., Демидов А.В., Семенова О.В. Научный форум, посвященный 300-летию российской полиции (о международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)». Санкт-Петербургский университет МВД России, 28–29.04.2016) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 218–226; Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) // История государства и права. 2016. № 13. С. 3–9; Нижник Н.С., Бял В.С., Демидов А.В., Семенова О.В. Полиция России: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 226–237; Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117; Нижник Н.С. Полиция Российской империи в контексте современных историко-правовых исследований // Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений : обзор всероссийской конференции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 36–44; Нижник Н.С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. 2018. № 4. С. 110–117.

² Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е.А., Карчевская Н.И. Молодые исследователи — юридической науке: об участии слушателей, курсантов и студентов в международной научно-теоретической конференции Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 214–218; Нижник Н.С., Стоцкий А.П., Федоринова Е.А. Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 237–239; Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Становление и развитие полицейской системы имперской России // История государства и права. 2017. № 20. С. 54–60; Нижник Н.С., Стоцкий А.П., Федоринова Е.А. Полиция — «фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 229–238.

³ Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н.С. Нижник. Электронные данные (19,6 Мб). СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. 1860 с.; Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Секция молодых исследователей. Санкт-Петербург, 25 апреля 2018 г. / под ред. Н.С. Нижник. Электронные данные (5,11 Мб). СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. 776 с.

В Российской Федерации законодатель уделяет пристальное внимание построению коммуникации между полицией и гражданами. Так, в ст. 9 «Общественное доверие и поддержка граждан» Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Федеральный закон «О полиции»)⁴ отражена значимость поддержки гражданами полиции. Среди прочего закон предъявляет требование к обоснованности действий полицейских, указывает на необходимость принять меры к восстановлению прав и принести извинения за нарушения прав граждан, если таковое имело место. Внимание государства к построению диалога между полицией и гражданами не всегда встречает надлежащий отклик у обеих сторон желаемого взаимодействия. Как показывают проведенные исследования, подчеркнула М.В. Баранова, российские граждане не рассчитывают на активное вмешательство государственных служб в вопросе защиты своих прав, а альтернативные пути решения проблемы через общественные институты им практически неизвестны и представляются неэффективными⁵. Недоверие к полиции, нежелание оказывать информационное и организационное содействие иногда основано на прежнем неудачном опыте общения обывателя с полицейским, а порой на непонимании современной специфики профессиональной деятельности органов внутренних дел в целом. Построение партнерских, уважительных отношений между полицией и населением возможно только при планомерном, системном повышении уровня правовой культуры у сотрудников полиции и граждан.

Параметры и детерминанты формирования правовой культуры сотрудников полиции стали предметом исследования профессора кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидата юридических наук, доцента **И.А. Демидовой**. В качестве факторов, определяющих специфику функционирования правоохранительных органов, она выделила: детальную правовую регламентацию деятельности; наличие властных полномочий по отношению к гражданам; корпоративность (закрытость) деятельности; значительные психические и физические перегрузки сотрудников; экстремальность деятельности; контакт с правонарушителями и интенсивное воздействие криминальной субкультуры, способствующие профессиональным деформациям; значимость общественной оценки работы органов правопорядка. Важным качеством сотрудников полиции в современных реалиях, как указала докладчица, является нравственно-правовой автоматизм — способность

сотрудника в экстремальных ситуациях принимать мгновенное («автоматическое») решение. Правовая культура сотрудника полиции, являясь необходимой профессионально значимой компетенцией полицейского, детерминирована уровнем и состоянием правовой культуры общества, выступающей в виде сложного, многоуровневого функционального и идейного образования, подчеркнула И.А. Демидова.

Особенностям формирования правовой культуры и правосознания сотрудников органов внутренних дел посвятила свое исследование доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук **Е.В. Стебенева**, которая подчеркнула, что важную роль в формировании правосознания и правовой культуры сотрудников играет правовое воспитание. Правовое воспитание направлено на формирование уважения к закону и отношения к нему как высшей социальной и личной жизненной ценности, стремления к выбору и использованию только правомерных, законных способов решения профессиональных задач и личных жизненных проблем. В патриотическом воспитании сотрудников органов внутренних дел важен принцип соблюдения традиций МВД России, который был положен в основу проведения мероприятий, посвященных 300-летию полиции России, прошедших в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Большое значение формирования базовых образов в профессиональном правосознании полицейского (образа правопорядка, образа прав человека, образа гражданского общества, образа права и т. д.) выявил профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент **А.И. Клименко**, который отметил, что к формированию образа правопорядка в профессиональном правовом сознании сотрудников полиции необходимо подходить дифференцированно. Если функции сотрудника по его должности не связаны с осуществлением широкого объема дискреционных полномочий, с принятием сложных решений, а заключаются в простой исполнительской деятельности, то для него достаточно ориентироваться на образ законнообразного правопорядка. Если должность сотрудника требует принятия ответственных решений в правовой сфере в области неполной определенности, то в профессиональном правосознании такого сотрудника необходимо формировать (в условиях получения высшего юридического образования) сложный образ правопорядка, который основывается на восприятии его как порядка, детерминированного не правовыми нормами-моделями (правилами) поведения, а прежде всего правовыми ценностями (ценностями, вырабатываемыми в правовом дискурсе и носящими конвенциональный характер).

Анализируя механизмы поддержания правопорядка в ментальных установках россиян, профессор кафедры философии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, доктор исторических наук, доцент **А.Д. Попова** отметила, что процесс формирования гражданского общества предполагает становление и развитие общественного сознания, в котором отражаются представления о разнообразных аспектах взаимодействия общества и власти, в том числе относительно механизма поддержания правопорядка. В период «перестройки», полагает А.Д. Попова, сложился ряд своеобразных ментальных установок по вопросам

⁴ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; № 27. Ст. 3880, 3881; № 30. Ч. 1. Ст. 4595; № 48. Ст. 6730; № 49. Ч. 1. Ст. 7018, 7020, Ч. 5. Ст. 7067; № 50. Ст. 7352; 2012. № 26. Ст. 3441; № 50. Ч. 5. Ст. 6967; 2013. № 14. Ст. 1645; № 26. Ст. 3207; № 27. Ст. 3477; № 48. Ст. 6165; № 52. Ч. 1. Ст. 6953; 2014. № 6. Ст. 558, 559, 566; № 30. Ч. 1. Ст. 4259; № 42. Ст. 5615; № 52. Ч. 1. Ст. 7542; 2015. № 7. Ст. 1021, 1022; № 10. Ст. 1393; № 29. Ч. 1. Ст. 4374; 2016. № 26. Ч. 1. Ст. 3870; № 27. Ч. 1. Ст. 4160; № 27. Ч. 2. Ст. 4238; 2017. № 22. Ст. 3071; № 25. Ст. 3591; № 31. Ч. 1. Ст. 4821; № 50. Ч. 3. Ст. 7562; URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.08.2018).

⁵ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 7 мая 2015 г. // Российская газета. 2015. 7 мая.

поддержания правопорядка, некоторые из них — недоверие к органам власти и восприятие принуждения как главного инструмента решения проблемы — сохраняются по сей день.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Московского городского педагогического университета, кандидат юридических наук **Е.М. Крупеня** отметила, что сотрудники полиции, выступая от имени государства в сфере, которая регламентируется Федеральным законом «О полиции», являются носителями государственной власти персонально либо в рамках организационных структур и одновременно выступают стороной в публичных правоотношениях с гражданами. Под влиянием правовой культуры, предполагающей уважительное отношение к праву с его объективным содержанием и правовым ценностям, у сотрудников полиции формируются установки для совершения актов правомерного поведения, нацеленного на реализацию компетенций сотрудника полиции.

Перспективы повышения правовой культуры полицейских — представителей органов власти оценила заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент **С.В. Павлова**, которая подчеркнула, что в условиях реформирования государственно-правовой системы современной России значимость формирования правовой культуры сотрудников органов полиции растет, так как эффективность реформ фактически определяет «человеческий фактор».

Анализируя проблемы деформации правосознания сотрудников полиции, мировой судья судебного участка № 15 г. Геленджика Краснодарского края, кандидат юридических наук **Д.В. Рукавишников** подчеркнул, что в сравнении с обычными гражданами, не наделенными профессиональным правосознанием, у сотрудников полиции адекватное отношение к праву (правовой реализм) выражено гораздо ярче. Правда, это не означает отсутствия возможности деформации правосознания полицейских. Распространенными видами деформации профессионального правосознания сотрудников полиции в современной России, по мнению Д.В. Рукавишникова, выступают: завышенная оценка значимости права (правовой идеализм), правовой инфантилизм, правовой скептицизм, правовой цинизм, правовой нигилизм. Пренебрежительное отношение к праву и правовой действительности и, как следствие, уверенность в безнаказанности, презумпция своей непогрешимости становятся типичными для субъектов коррупционных правонарушений. Процессы деформации правосознания характерны и для обывателей, и для полицейских, правда, при разной скорости их объективации в социально-правовой действительности, полагает Д.В. Рукавишников.

Исследуя вопросы взаимодействия полиции и общества в сфере реализации правоохранительной функции государства, профессор кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор военных наук **И.П. Горелов** определил такие направления возможного сотрудничества институтов гражданского общества и полиции в России, как участие в разработке и рассмотрении программ, концепций, инициатив граждан, планов по актуальным вопросам охраны правопорядка и деятельности органов внутренних дел; пропаганда правовых

знаний, особенно в группах риска (молодежь), где наблюдается склонность к совершению преступлений и нарушению правопорядка; мониторинг и пресечение распространения информационных материалов, способствующих возникновению массовых беспорядков; содействие полиции в охране правопорядка, контроля правопорядка в общественных местах (совместное патрулирование с сотрудниками органов внутренних дел; содействие ОВД в пресечении преступлений при обнаружении их во время проведения массовых мероприятий, где велика опасность их совершения) и осуществление общего контроля за работой ОВД и защитой законных прав и интересов граждан и др.

Принципы взаимодействия полиции с институтами гражданского общества в ходе реализации правоохранительной функции охарактеризовал заместитель начальника Волгоградской академии МВД России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент **А.П. Алексеев**. В их числе он указал на следующие принципы: взаимная заинтересованность в создании условий правопорядка и безопасности; инициативная форма участия представителей гражданского общества в реализации правоохранительной функции; взаимная поддержка обоснованных правоохранительных инициатив; координация и согласование усилий в совместной деятельности; взаимные помощь и ответственность.

Для совершенствования взаимодействия органов полиции с общественностью доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат социологических наук **Ф.М. Янбухтин** обязательными считает следующие меры: 1) разработку и утверждение Единой концепции системного взаимодействия МВД России со СМИ, общественными объединениями, организациями и населением, теоретико-методическую платформу которой составляют четко выделенные принципы по выстраиванию доверительных и партнерских взаимоотношений органов внутренних дел с медиаобщественностью в сфере защиты прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности; 2) системное использование разнообразных форм взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации (рассылки информации; пресс-релизы; пресс-конференции; круглые столы; брифинги; социальные акции; пресс-клубы; онлайн-конференции); 3) активное информирование граждан на уровне территориальных органов МВД России по актуальным вопросам обеспечения безопасности, выработку своевременных рекомендаций, имеющих важное значение для жителей конкретного региона (в частности, по вопросам безопасности в доме, порядка во дворе, поддержания добрых соседских отношений, парковки личного автотранспорта и т.д.); 4) системную и планомерную разработку и реализацию специальных ведомственных программ, социальных проектов, нацеленных на повышение правовой культуры граждан, их активное участие в деятельности правоохранительной направленности.

Использовать потенциал институтов гражданского общества для реализации правоохранительной функции государства, считает доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук **С.П. Федоренко**, следует с учетом технических возможностей и с использованием современных достижений науки и техники. Для выработки оптимальной

модели взаимодействия полиции и гражданского общества С.П. Федоренко полагает необходимым: целенаправленно создавать долгосрочную стратегию использования потенциала гражданского общества в обеспечении общественного порядка и борьбе с преступностью; обеспечить непосредственное участие молодежи в мероприятиях по охране общественного порядка, в особенности с помощью электронных приложений смартфонов на возмездной основе; при помощи общественных палат систематически осуществлять взаимодействие молодежи с участковыми уполномоченными полиции, сотрудниками дорожно-постовой службы, патрульно-постовой службы, принимать участие в работе комиссий по делам несовершеннолетних; на основе долгосрочных возмездных договоров привлекать институты гражданского общества для реализации вспомогательных функций по охране общественного порядка при проведении массовых, спортивных и иных мероприятий; создавать новые формы реализации потенциала гражданского общества по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Одним из направлений взаимодействия полиции и гражданского общества в современной России начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент **Р.М. Ахмедов** считает взаимодействие МВД России с религиозными объединениями в сфере противодействия религиозному терроризму и экстремизму. Установившаяся практика взаимоотношений между МВД России и конфессиями, полагает Ахмедов, указывает на специфику такого сотрудничества. Сотрудничество с Русской православной церковью в первую очередь направлено на нравственное воспитание молодежи; сотрудничество с представителями духовных управлений мусульман России на выработку совместных мер по противодействию распространению исламской экстремистской идеологии; сотрудничество с еврейскими национальными общинами на устранение и недопущение ксенофобии по отношению к людям данной национальности.

Характеризуя проблемы взаимодействия полиции с институтами гражданского общества в механизме противодействия коррупции, начальник кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент **А.М. Субботин** отметил, что наиболее эффективными формами общественного контроля за деятельностью государственных органов в сфере противодействия коррупции являются: общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов (антикоррупционный мониторинг); формирование общественных советов при органах государственной власти; создание горячих линий и телефонов доверия; участие представителей общественности в деятельности аттестационных комиссий, комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, а также иных коллегиальных органов, формируемых в органах государственной власти.

Рассматривая проблемы гражданского контроля за деятельностью полиции, профессор кафедры социального управления Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор социологических наук **В.Г. Зарубин**, опираясь на результаты социологических

исследований, обратил внимание на то, что в современной России участие граждан в осуществлении гражданского контроля имеет, как правило, ситуативный характер. В основном преследуются утилитарные цели, решаются отдельные проблемы, системного участия как такового не наблюдается. Способом исправления ситуации докладчик признал формирование позитивного имиджа полицейского в общественном сознании.

Характеризуя роль СМИ в формировании общественного мнения о полиции, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск), доктор социологических наук, доцент **М.К. Гайдай** и доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук **С.Ю. Грозина** отметили, что в погоне за сенсацией средства массовой информации нередко искажают данные, касающиеся деятельности полиции. Поэтому информация, которая транслируется СМИ, может не отражать реальной ситуации, оказывая воздействие на общественное сознание и формируя имидж полицейского с отрицательными чертами.

Средства оценки деятельности полиции в современной России стали предметом исследования начальника кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидата исторических наук, доцента **А.С. Пеструилова**, который подчеркнул, что оптимальная система критериев эффективности деятельности органов полиции до настоящего времени не выработана. Многие специалисты склонны считать полицейскую деятельность не поддающейся ни количественной, ни качественной оценке, считая, что результаты правоохранительной деятельности не имеют стандартных норм выполнения. Пеструилов полагает, что основой достоверной информации о конкретном ОВД и его деятельности должны стать сайты ОВД в сети Интернет, которые будут содержать ежедневно пополняемую информацию обо всех обращениях в ОВД и принятых по ним действиях, о составленных административных протоколах и т.д. Такая информация, полагает Пеструилов, позволит вовлечь общество в обеспечение общественного порядка, исключит негативные последствия разного рода слухов, позволит осуществлять действенный общественный контроль заинтересованными лицами в режиме реального времени, исключит возможность искажения отчетности (если автоматизировать обобщение ключевых показателей по отчетным периодам). Это позволит отказаться от множества ведомственных и иных отчетов, сделает деятельность ОВД прозрачной и для граждан.

Опираясь на результаты исследований локального спроса на безопасность и форм участия региональных и местных властей в охране общественного порядка, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, кандидат социологических наук **Е.А. Ходжаева** констатировала, что участие местных и региональных властей в охране общественного порядка обычно сводится к созданию народных дружин, контроль и учет деятельности которых ведут территориальные органы внутренних дел. Но имеют место примеры развития локальных инициатив по созданию на местном или региональном уровне организаций,

призванных участвовать в охране общественного порядка — парамилиция. Парамилицейские структуры муниципального уровня повсеместно в начале своей работы сталкиваются с кризисом легитимности. Они вынуждены выстраивать отношения с другими государственными органами и с уже действующими муниципальными структурами. Низовые исполнители встречают нелояльное отношение граждан, которые не всегда разделяют представление о правомочности муниципальных служащих, к примеру, составлять административный протокол. Имеют место конфликты парамилиции и предпринимателей: стремление местных властей «навести порядок», усилив муниципальный контроль, трактуется предпринимателями как

стремление так урегулировать рынок, чтобы дать дорогу одним и закрыть ее другим.

При подведении итогов работы конференции участники отметили, что поставленные для обсуждения вопросы получили разностороннее освещение. Работа конференции оценена как плодотворная и способствующая приращению научных знаний о специфике формирования партнерских взаимоотношений между полицией и гражданским обществом в современной России и за рубежом, о формировании правовой культуры сотрудников полиции, об особенностях профессиональной подготовки сотрудников полиции, а также о критериях определения эффективности деятельности полиции в современной России.

Литература

1. Нижник Н.С. Государство и право: современное состояние, перспективы развития / Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117.
2. Нижник Н.С. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) (часть II) (о международной научно-теоретической конференции, состоявшейся в Санкт-Петербургском университете МВД России) / Н.С. Нижник, С.С. Щепкин, А.В. Демидов, О.В. Семенова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 214–222.
3. Нижник Н.С. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) / Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко // История государства и права. 2016. № 13. С. 3–9.
4. Нижник Н.С. Молодые исследователи — юридической науке: об участии слушателей, курсантов и студентов в международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)» / Н.С. Нижник, А.П. Стоцкий, Е.А. Федорова, Н.И. Карчевская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2(70). С. 214–218.
5. Нижник Н.С. Научный форум молодых исследователей, посвященный 300-летию полиции России (часть II) о международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)» / Н.С. Нижник, А.П. Стоцкий, Е.А. Федорова, Н.И. Карчевская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 210–214.
6. Нижник Н.С. Научный форум, посвященный 300-летию российской полиции (о международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)». Санкт-Петербургский университет МВД России, 28–29.04.2016) / Н.С. Нижник, С.С. Щепкин, А.В. Демидов, О.В. Семенова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 218–226.
7. Нижник Н.С. Полицейская система России: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы развития / Н.С. Нижник, В.С. Бялт, А.В. Демидов, О.В. Семенова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 226–237.
8. Нижник Н.С. Полиция — «фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» / Н.С. Нижник, А.П. Стоцкий, Е.А. Федорова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 229–238.
9. Нижник Н.С. Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков / Н.С. Нижник, А.П. Стоцкий, Е.А. Федорова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 237–239.
10. Нижник Н.С. Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений. Обзор всероссийской конференции / Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 36–44.
11. Нижник Н.С. Полиция России: основные этапы становления и развития / Н.С. Нижник, В.С. Бялт, А.В. Демидов, О.В. Семенова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 220–228.
12. Нижник Н.С. Полиция Российской империи в контексте современных историко-правовых исследований / Н.С. Нижник // Полицейская деятельность. 2017. № 6. С. 35–78.
13. Нижник Н.С. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России / Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко // Государство и право. 2018. № 4. С. 110–117.
14. Нижник Н.С. Становление и развитие полицейской системы имперской России / Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко // История государства и права. 2017. № 20. С. 54–60.